

Загляни в своё СЕРДЦЕ

Алексей
Наст

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Наст

Загляни в своё сердце

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Загляни в своё сердце / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-12478-3

Роман на основе текста "Любовницы и любовники". Он - успешный бизнесмен, деньги, власть, новая любовь красивой молодой женщины. Только что делать с женой, с которой они уже давно чужие люди? Она любит его и не любит - он ведь не свободен, а ей хочется своего счастья, где она единственная! У неё есть молодой любовник, но он явно не готов к серьёзным отношениям, а она ждать больше не может! А у молодого повесы нет целей в этой жизни, она хороша и он ей наслаждается! Зачем усложнять итак сложное? Но вулкан страстей, кипящих у каждого внутри, уже готов к страшному извержению! Вопрос: когда последует взрыв?! Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-12478-3

© Наст А. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Алексей Наст

Загляни в своё сердце

Часть первая

Катя отвернулась к стене. От старых обоев пахло пылью.

—Зачем ты пришел?

Стало опять тихо. Он не отвечал. Сидел на стуле, опустив голову и молчал.

—Что молчишь? Тебя никто не гнал. Сам ушёл.

Катя не поворачивалась, но ощутила, как он попытался что-то сказать, как сглотнул слюну от волнения и опять опустил голову.

—Что же теперь? – она резко повернулась к нему. Взгляд невольно упёрся в детскую кроватку. Ребёнок спал.

Катя не любила свою дочь – слишком рано родила, слишком быстро разочаровалась в муже, которого не любила, а вышла замуж за него лишь из желания порвать с матерью. Но теперь ребёнок мог спасти семью. Она ждала, что Иван начнёт просить за дочь, мол, не надо всё рвать – ребёнку нужна семья – мать и отец, она согласится и всё останется по-прежнему.

Но он молчал.

Она опустила ноги с кровати на пол.

—Уходи, Иван. Ничего уже не получится.

Он неожиданно вскочил, бросился к ней, обхватил ноги.

—Катя, я люблю тебя!

Она непроизвольно погладила его по голове. Да, он сильный, умный, но чужой, такой чужой в последний год. И так теперь будет всегда.

—Ещё что скажешь? – она улыбнулась.

—Люблю тебя, – он глядел ей прямо в глаза.

Нет, о дочери ни слова. Этот ребёнок ему сразу был не нужен. Она родила, лишь благодаря матери. Снова мать. Из-за неё жизнь наперекосяк. Они жили вместе, а мать постоянно устраивала скандалы, спорила с зятем. Катя была меж двух огней. Он не выдержал этого ада, стал искать квартиру, но когда они переехали и зажили отдельно, Катя поняла, что жить с ним она не в состоянии. Она просила бога, чтобы он её не трогал, а он был неутомим и, казалось, не замечал её состояния. Ссоры, скандалы, никому не нужный ребёнок.

Когда Иван, ничего не сказав, ушёл и где-то пропадал четверо суток, Катя думала, что сойдёт с ума.

Он вернулся. Она ушла к матери. Теперь он здесь.

—Ваня, уходи.

—Подам на развод, – тихо прошептал он.

—Подавай.

Катя неожиданно ощутила ужасную усталость. А завтра на работу. Ещё удивительно, что мать до сих пор не вмешалась в их разговор – затихла в своей комнате.

На часах без пяти два ночи.

—Уходи. Мне рано вставать.

Он вскочил, стремительно вышел из комнаты, громко хлопнул дверью выходя из квартиры.

«Даже не взглянул на неё», – Катя снова посмотрела на кровать дочери. – «А ведь из-за неё я бы осталась с ним».

Она бессильно упала на подушку и чутко вслушивалась, что происходило у соседей. Из глаз текли слёзы. Хотелось, чтобы разболелась голова, но ничего не болело, просто внутри, там, где сердце, неожиданно стало пусто.

«Всё, теперь я действительно одна».

Утром она пришла на своё рабочее место вовремя. Работала Катя в хмуром, строгом заведении – областном управлении внутренних дел, следователем оперативно-следственного отдела, имела на погонах три маленькие звёздочки старшего лейтенанта, но форму носила редко, появляясь на рабочем месте обычно в чем-нибудь элегантном, но строгом. Личную жизнь она старалась оставлять за порогом своего скромного кабинета, но в эпопею размолвок с мужем были посвящены все девчонки управления и доставали напускным сочувствием, отчаянно радуясь и потешаясь в душе. Катя считала их стервами и особо не страдала – на работе она сама по себе, пусть тихо злорадствуют, случится с ними такое, она ответит той же монетой.

Заметив Катю в вестибюле, её под руку сразу же подцепила Наташка из адресного бюро.

—Карышева, ты бледная, как смерть. Что, опять этот гад доставал?

Катя скривилась.

—Достаешь меня ты.

Наташка считалась служебной подружкой Кати, но по большому счёту, особой теплоты к ней Катя не испытывала – Наташка была типичной эгоисткой и дружила, подразумевая какую-то для себя выгоду, хотя какую, Катя не могла понять. Да и какие могут быть подружки в двадцать семь лет? В эту пору уже не подружки нужны, а друзья, нет, друг, верный надёжный мужчина.

Катя открыла ключом свой кабинет. Наташка не отставала – работа в адресном бюро была не пыльная – до обеда возня с документами, приём посетителей после двух дня, и Наташка утренние часы посвящала сплетням, бегая по кабинетам управления, нашептывая одним про других и наоборот, и это ей доставляло огромное удовольствие – в её глазах всегда тлели огоньки удовлетворенности. Хорошо, когда людям нравится их работа.

—Ты плакала вчера?

—Чего это?

—Глаза припухшие.

Катя посмотрела на Наташку в упор. Та не улыбнулась, значит, говорила без ехидства, можно было не огрызаться.

—Плакала. Своего отшила окончательно.

Наташка пожалала плечами, садясь на жесткий стул.

—Зачем девки-дуры замуж хотят? Как дочь будешь воспитывать?

—Мать меня одна воспитала, видишь, выросла.

Катя села за свой стол, вытащила из несгораемого шкафа несколько скоросшивателей, набитых отчётами оперативников по нескольким горячим делам, показывая, что у неё много работы и разговаривать дальше ей не хочется.

—Что ж, занимайся делами, – Наташка нехотя поднялась со стула. – Пойду, чайник включу, как вскипит, приходи, чайку попью. А моё мнение, Карышева, может ты и права по большому счёту. Теперь ты свободна, есть шанс найти партию получше. Конечно, с ребёнком не так легко, но...

—Наташка, сгинь.

—Да, да. Я вот не замужем и не свяжусь ни с кем, пока не найду человека, в котором буду уверена.

—Прокиснешь, – Катя улыбнулась.

Мать действительно вырастила Катю совершенно одна – она разошлась с мужем, когда ещё была беременна. Приехав сюда, к родне, родила её, а потом, переругавшись с сестрой, оказалась на улице с ребёнком на руках. Угол нашла – сняла комнату, но надо было работать, чтобы добыть пропитание. Катю отдали в круглосуточные ясли, потом был детсад, потом, когда

Катя подросла, а её мать «встала на ноги», она наняла для неё няньку. Матери жилось трудно, но дочь она подняла.

«Ничего, пробьёмся. Мать поможет. У меня прекрасная работа. Всё в порядке», – думала Катя, а в голове вертелось: «Одна, одна, одна...».

Соседка Кати по дому, Юля, окончила в своё время торговый техникум и теперь работала продавцом в универмаге, в отделе детских игрушек. Они сошлись характерами и часто проводили досуг в сплетнях на Юлиной кухне. Юля жила с занудой мужем и двумя детьми-погодками. Муж с головой погружался в работу на местном цемзаводе, забывая про дом, и Юля постоянно жаловалась Кате на свою злую судьбу и неудачный выбор мужика.

—Раз так плох – брось, – Катя была настроена радикально.

—Куда я с двумя детьми? Кому нужна? С этим хоть какой-то тыл. И тебе не легко будет с ребёнком на руках. Накуролесила ты, подруга.

—Может быть, – вздохнула Катя.

Она встала из-за стола, ушла в прихожую, заглянула в зеркало.

«Надо подстричься, сменить настроение», – погладила себя по щекам. По существу она ведь уже давно одна, пора привыкнуть, пора начать жить без него.

Юля сидела в кухне. Запахло сигаретным дымом – курила. Она курила только при Кате, когда мужа не было дома – муж не разрешал, кричал, что это вредно, что у них двое малышей – сын и дочь. Он прав, конечно, поэтому Юля курила в тихую, и ещё в гостях, когда выпивали, тогда Сергей (её муж) курить разрешал, потому что и сам во время выпивки курил.

—Юля, как твой?

—Работает. Он вечно работает. Смены, дежурства.

—Зато зарплата приличная и столовая у них дешёвая, и детсад вам дали благодаря тому, что муж на цементном заводе работает. У нас ведь в районе цементная «мафия» заставляет всю администрацию плясать под свою дудку. Глядишь, скоро весь город подомнут.

—Конечно, хорошо. Кто говорит, что плохо? Он у меня, вообще, золото.

Катя улыбнулась – Юля до сих пор ревновала своего суженого ко всем подряд. Любит потому что. А она вот не любила, поэтому теперь одна.

Катя вернулась на кухню, снова села за стол, тоже взяла сигарету, закурила.

Её мать, как она говорила, очень любила её отца, а развелась с ним.

Значит, не в любви дело. Дело в совместимости и в уважении. Семья очень сложная субстанция.

—Что, подруга, когда будем обмывать твой спальный гарнитур?

—Скоро, – Юля улыбнулась.

Совсем недавно Юля с Сергеем на скопленные деньги купили довольно дорогой спальный гарнитур – две кровати, шкаф и трюмо – он был малогабаритный и идеально помещался в их тесной двухкомнатной квартирке старой планировки. Юля гордилась, что совершила столь дорогую покупку, не влезая в кредиты, и посмеивалась над остальными подругами, бившимися в липких сетях банковских платежей. Говорила, она чиста, как финансовый ангел.

—Слушай, Юля, у Сергея друга как зовут, того светленького?

—Пашка? Он женат. Тебе зачем?

—Нет, другой. Такой молодой, когда подстригается, вообще, на мальчика похож.

—Миша.

—Вот, мне этот Миша и нужен. Пригласи его к себе в гости, когда гарнитур будешь обмывать, – Катя выпустила дым изо рта, улыбнулась. – Не бойся, не мне. Я пока ничего такого не

хочу. Противно. Наташку надо пристроить. Она ещё девушка, а вокруг неё Сашка увивается похабник, первый бабник УВД. Если ему дать волю, испортит он девуку.

Они рассмеялись.

Наташка строила из себя недоступную принцессу и, сколько к ней не пытались мужиков пристроиться – дарили цветы, заводили многозначительные с намёками разговоры, всё было зря – она ждала своего, надёжного...

После работы Катя сразу пошла к Юле на вечеринку – дочь оставила с бабушкой. В дверях её поцеловал Серёга, за что получил испепеляющий взгляд супруги, она обняла Юлю, прошла к столу. Наташка уже болтала с Мишей, точнее, отбивала его попытки завести дружескую беседу.

— Вас зовут Катя? – за столом сидел незнакомый мужчина лет сорока. Он указал на место рядом с собой. – Присаживайтесь. Меня зовут Семён.

— Интересно, – Катя ухмыльнулась и села.

Юля обняла ее сзади за плечи.

— Это наш приятель Семён Бесцов. У него с Серёгой дела.

— Вы работаете на цементном заводе? – у нового знакомого было властное лицо, и он совсем не был похож на человека, который может иметь дела с Юлиным Серёжей.

— Нет. У меня своя торговая фирма.

— Ого! Вы, наверное, богач.

— Смеетесь, – Семен опустил взгляд в тарелку. – Если фирма, непременно рвач и миллионер.

— Насчет рвача не знаю. Рвач – это даже не плохо, главное, чтобы для семьи было хорошо. А миллионеры у нас в городе есть.

— Кто, если не секрет?

— Любовник моей подруги.

— Светкин дружок? – вмешалась Юля.

— Да, он. Они крутят, только пух летит из подушек, а старомодная мама Светы всё пытается блюсти чистоту дочери.

— Вы так саркастически говорите об этом, – Семён смотрел на Катю. Он подумал, что она ему нравится. – Вы знаете, скорее всего этот ваш миллионер – это Серпухов Гоша.

— Точно, – Катя удивилась.

— Он мой приятель.

— У вас влиятельные приятели.

— Я сам влиятельный.

— Говорят, он болен, – вмешалась Юля.

— Да, он скоро умрёт. И никакие деньги его не спасут. Он это знает, – Семён вздохнул. У Гоши, точнее, Георгия Андреевича, был рак.

Семён познакомился с ним, когда работал в проектном институте, ещё до кризиса, когда делались быстрые и бешенные деньги. Гоше понадобился проект свинарника, а директор института приходился ему родней. Семён возглавил разработку проекта, незаметно они подружились, потом он ушёл работать к нему, а через какое-то время Гоше потребовалась ещё одна фирма, и Семён возглавил новое дело. Среди совладельцев фирмы, по решению Гоши, оказались жены и племянники людей из городской администрации. С той поры дела Семёна пошли в гору.

Всё последнее время Семён подсознательно ждал смерти Гоши – опека старшего товарища давно тяготила. Уже сейчас он держал все нужные связи в своих руках и мог обойтись без

покровителя, но, как говорят в Азии, терпение и выдержка всегда дают прекрасные результаты. Суета вредна. С «уходом» Гоши всё решится само собой.

—Гоша ездил в Москву, но и там на него махнули рукой, — Семён посмотрел на Юлю, потом перевел взгляд на Катю, неожиданно улыбнулся. — Мне кажется, я встретил вас не случайно.

—Ого! — Катя сделала удивленное лицо. — Объясните. Вы набиваетесь в женихи? — только этого ей сейчас не хватало.

—Зачем же? Я женат и супругу уважаю, — Семён многозначительно посмотрел Кате в глаза, хотя, что это могло значить, не знал и сам. — Но я считаю, что все в жизни происходит не зря.

—Посмотрим, — Катя захотела прервать этот разговор. Глупо слушать от человека, которого увидела минуту назад, фатальные предсказания.

—Юля, тебе помочь?

—Этого я и жду, — Юля потрепала её по плечу.

Катя пошла за ней на кухню, оглянулась на Наташку — та по прежнему корчила из себя принцессу. Глупая дура — тот для неё плох, тот не хорош, а в результате останется с каким-нибудь подонком.

—Бабы дуры, да, Юля? — Катя улыбнулась.

—Естественно, подруга!

Семён пришёл с вечеринки и долго сидел на кухне над чашкой чая.

Странная встреча. Эта женщина ураганом ворвалась в его душу и перевернула там всё верх дном. Её глаза так притягательно мерцали. Или он много выпил? А может, опьянел от её близкого присутствия? Нет, конечно, он не влюбился. Так не бывает. Семён не верил в мгновенно вспыхивающее чувство. Чувство рождается постепенно. Это симпатия, но всё равно, она чудная. Странно, что такую женщину бросил муж.

На кухню зашла жена. Семён посмотрел на неё, но ничего не сказал.

Вера, конечно, хороша, но сейчас он не любил её.

—Тебе звонили из мэрии, просили завтра зайти к Сергееву. Что-то насчёт подземных переходов.

—Хорошо.

—Мог бы так сильно не напиваться, — жена скривилась.

—Я пьян? — Семён снова посмотрел ей в глаза. — Я не чувствую себя пьяным.

Вера махнула рукой и вышла.

Может, ему повезло, что его жена не скандальная. Конечно, никакая другая ему не нужна. Он просто устал, поэтому расслабился, опустил охранительный барьер.

В прихожей зазвонил телефон. У Семёна была трехкомнатная квартира, типовая, но располагалась она в центре, потому стоила дорого, к тому же, он постарался качественно отделать это логово. Он любил называть своё жилище логовом, хотя логово бывает лишь у холостяков, у женатых — гнездо.

—Может, в душе я всё равно один?! — громко спросил он себя.

—Ну что, не слышишь? Звонят! — крикнула Вера. — Семён,ними трубку, наверняка, тебя.

Семён встал, не спеша подошёл к телефону.

—Алло.

—Семён, привет, — звонил Гоша.

Семён взглянул на своё отражение в настенном зеркале. Лицо осунувшееся. Опять Гоша с делами. Как он опротивел и надоед!

—Здравствуй.

—Семён, супруга тебе передавала, что завтра к мэру? Есть идея насчет подземных переходов. Я думаю, мы неплохо наваримся на этой затее. Я вчера с Сергеевым активно обсудил это дело. Мы делимся и все довольны.

—Ты же знаешь, что я твоя тень. Что решишь, то и будет.

—Сёма, зачем так говоришь? Мы друзья, а не только партнёры.

Семён вздохнул – хотелось спать. Друзья – как же!

—Конечно.

—Ладно, отдыхай. Завтра приезжай пораньше. Пока, дорогой. Не просп!

—Пока.

Семён опустил трубку на аппарат. Нет, он порядком устал от суеты.

Завтра решатся технические вопросы, и он съездит куда-нибудь отдохнуть. Хотя бы к тетке в Ставрополь. Вон, его шофёр после завтра в отпуск уходит. Почему ему не взять тайм-аут на недельку?

Семён решил тут же позвонить Артёму насчёт завтрашнего утра – он всегда предупреждал шофёра заранее, если график менялся.

—Алло, Артём, завтра ты мне нужен пораньше. Часикам к семи подъезжай. Последний день перед отпуском я тебя помучаю, – Семён усмехнулся.

Положив трубку, он снова посмотрел на себя в зеркало. Нет, всё-таки Катя ему очень понравилась. Очень.

Он пожевал губами, потёр щёки. В голове шумело от выпитого алкоголя.

—Спать. Спать.

Шофёру Семёна Артёму или Тёме, как его обычно все звали, было двадцать восемь лет. К этому времени он кое-чего достиг, по его мнению, и жизнь казалась налаженной. Ещё перед армией он выучился на водительские права, когда призвался, служил шофёром бензовоза, а после демобилизации ему помогли устроиться в таксопарк. На такси он делал приличные деньги, но, благодаря авантюрному складу характера, унаследованному им от бабки, он постоянно влезал в разные глупые переделки, из-за которых его, в конце концов, и уволили.

Потом он какое-то время перебивался то на «скорой помощи», где мизерную зарплату платили с большими задержками, то возил цыган, скупающих золото, которые не в меру нагнали, пока не попал к Семёну.

Семён доверил ему свою машину – не любил сам ездить, и теперь Тёма снова умудрялся после работы кое-кого подвозить за деньги, которых вечно не хватало.

Квартиру – старенькую двухкомнатную, без ванны и горячей воды, он купил, когда работал в таксопарке – тогда квартиры были ещё относительно доступны по цене, потом женился, появилась дочь. Мебель и одежду покупал, влезая в долги. Жена большей частью не работала и поэтому крутиться приходилось только ему. А супруга, Ксения, дама была с запросами и, если вставал выбор между приобретением модной кофточки и погашением старого долга, выбиралось первое.

Так сложилось, что родителей Тёма потерял рано – в детстве, погибли по пьяному делу, когда неслись с гулянки на мотоцикле «Урал» по деревенским ухабам. Тёму и младшего брата Андрея поднимали дед с бабкой – родители матери. Тёма с самого начала выказал самостоятельное отношение к бытию и, придя из армии, отделился, пошёл по жизни своим умом. А вот Андрюха, избалованный стариками, тоже отслужив, поступил в институт на факультет искус-

ствоведения и плотно сел деду с бабкой на шею, ни мало не заботясь о своём будущем, учась кое-как и грезя бредовыми мечтами о большом богатстве. Андрей жил у стариков, кормился и одевался на их пенсию, не смотря на возраст в 25 лет, и Тёма ему предрекал, что ничего путного в жизни он не добьётся, так и состарится в однокомнатной «хрущевке» бездельником-неудачником. Искорка к делу нужна мужику, нельзя вечно играть в детство. А впрочем, пусть разбираются там без него, у него своих семейных проблем через голову.

У Ксении в городе родственников не было. Жила в алтайском городе Бийске тётка с хрычом мужем. В этом году Артём купил новый «Рено» российской сборки по автокредиту и в этот отпуск они решили навестить алтайских родичей, приехав на своих колесах – Ксении не терпелось похвастаться «взлётом» своего благополучия.

Артём положил трубку, тоже посмотрел на себя в зеркало, потянулся.

—Кто звонил? – спросила жена.

—С работы. Завтра к семи надо подъехать.

—А я должна одна собираться, да! – всплеснула руками Ксения. Она любила поворчать, и за это Тёма на неё всегда злился.

—У меня отпуск только послезавтра начинается. Лучше покорми попугаев.

Тёма указал на клетку с облезлыми птичками, которых купили ради дочери, но ухаживать толком не умели, и они постоянно болели, и Тёма подумывал от них избавиться, их облезлый вид раздражал.

Ксения ушла на кухню.

—Завтра отпашу и всё. Свобода! – Тёма потянулся. – Работающий человек должен раз в год отдыхать и, по возможности, продолжительно...

Мэрия располагалась у центральной площади, размещаясь в большом четырехэтажном здании, рядом кипел брызгами фонтан, и голубели красавицы ели, замыкал композицию громадный памятник Ленину с протянутой вдаль рукой. Во многих городах России Лениных снимали с постаментов, стыдливо переместив в скромные парки, здесь же он стоял в первозданной нетронутости. Мэр и губернатор даже любили прихвастнуть – у нас памятников не свергают, область культурная, историю чтит. Это был единственный вопрос, по которому достопочтимый мэр и губернатор имели одинаковую точку зрения, в остальном они ненавидели друг друга, считались врагами и вели непримиримую войну на «уничтожение». Властная система сдерживания и противовесов в действии! Губернатор пытался давить на мэра, но в области город был единственным населенным пунктом за полмиллиона душ населения с насыщенной финансовой и экономической инфраструктурой и, опираясь на такое солидное хозяйство, мэр областного начальника игнорировал. Выражаясь его словами: «Плевал я на губернатора и его директивы!». Долго такая катавасия продолжаться не могла, кто-то должен был победить – или мэр, свергнув губернатора и заняв его место, или губернатор, протолкнув на городских выборах в мэры своего подпевалу.

Мэром города был Сергеев Петр Сергеевич, человек властный, выслужившийся из хозяйственников среднего звена, член «партии власти», на словах либерал, а в глубине души – диктатор. Суровый характер и волчья хватка помогали ему держать город в повиновении и отбивать вялые губернаторские наскоки.

Сергеев «взял» мэрию на выборах, опираясь на собственный капитал, сколоченный в эру славной ельцинской неразберихи, когда он был директором крупного комбината и, через дутые ООО, оформленные на подставных лиц, выкачал в свой карман ни одну сотню миллионов рублей. Конечно, столь наглое хапанье вышло бы будущему мэру боком, не будь у него верного старинного кореша, державшегося в «кремлёвской обойме», и продолжавшего там благополучно

прибывать по сей день. Естественно, Сергеев «по дружбе» подпитывал московского друга. Под его могучим крылом он чувствовал себя настолько неуязвимым, что спокойно «взял» городские выборы, а в будущем, считал, сможет перебраться и на областной трон, главное, чтобы в Кремле посчитали его более надежным, чем нынешний «управляющий». Тогда губернатору Хвостову придёт хана – уж его Сергеев потом дожмёт, благо у Хвостова поддержка в Москве была не такая крутая.

Идея построить дополнительные подземные переходы, на особо людных перекрестках, родилась в мэрии – решили снова нагреть руки, а, заодно, прибавить городу благоустроенности. Коммерческий конкурс на строительство организовали так, что ни одно «чужое» предприятие не смогло подать заявку, а особенно из подпевал губернатора. Обойденный губернатор молча стерпел, и в стане «Сергеевской мафии» все долго самодовольно ухмылялись – губернаторскую партию снова «сделали», а это говорило о незыблемости позиций мэра.

Петр Сергеевич собирался дать последние наставления перед началом «большого городского проекта», благодаря которому все участники «дела», из городской казны клали на счета «своих» фирм-однодневок хорошие бабки.

Машина Семёна подкатила к мэрии в начале восьмого утра. Перед главным входом уже расположилось несколько джипов и дорожный «Мерседес» Гоши.

По-утреннему было прохладно.

Семён вышел из машины, поднялся по длинным широким ступенькам крыльца. Стеклопакеты были открыты нараспашку – из вестибюля здания веяло спёртым воздухом. У входа лениво переговаривались два заспанных охранника.

Семён прошёл мимо лифта (лифтом пользовался только мэр), по ступенькам лестницы, не спеша, поднялся на третий этаж. В просторной приемной скучала секретарша.

Семён чувствовал, что день сегодня будет обычный, ничего плохого, ничего хорошего – с утра болтовня, потом осмотр объекта, потом он заедет в свой оптовый магазин, в общем, всё предельно просто и скучно. Делать деньги можно и без, описанной в разных капиталистических учебниках, борьбы, если ты попал в струю, а он был именно в струе. Эта операция с подземными переходами уже могла заинтересовать лишь его прораба – всё было обговорено в «высших сферах», и будущий доход поделен.

А доход будет обязательно, даже если переходы и не построят – как только фирмы получат материалы и ссуды, деньги разбегутся по счетам участников операции.

В приёмной Семён увидел Пирогова – хозяина комбината сборного железобетона. Он, наряду с фирмами-посредниками, был основным исполнителем проекта.

—Привет, – Семён пожал ему руку. – Уже решают?

—Сергеев вызвал Гошу и Сырова, а мне сказал подождать, – Пирогов выглядел заспанным. Он был немного лысоват, со стороны казался ничтожным и исполнительным, но по близкому знакомству Семён знал, что он хитёр и не побоится даже Сергеева, если получит шанс сорвать куш в одиночку и тайно. – Сейчас приедет Курков, он должен перегнать деньги за материалы в мою контору, так что можешь присылать грузовики за добром.

—Грузовики будут во время, – Семён огляделся. Не к месту вспомнил вчерашнюю вечеринку. Эта странная женщина с мерцающими глазами. «Я становлюсь сентиментален. С утра думаю о глупостях», – Семён сел рядом с Пироговым, а сам мысленно сравнил жену и Катю. Катя казалась привлекательнее, но ведь он её совсем не знал.

Вошёл Курков – начфин, небрежно кивнул головой, прошёл к двери в кабинет Сергеева, приоткрыл, просунул голову, о чем-то спросил, потом оглянулся.

—Пойдем. Зовут.

—Нет, здесь останемся, – съязвил Пирогов. Он не любил Куркова за высокомерие, а Курков старался на него не обращать внимания, чем ещё сильнее злил владельца комбината.

Семён незаметно усмехнулся – про себя он называл эту тихую борьбу «вознёй слуг». Вслух, конечно, такого он сказать не мог, ибо даже по сравнению со «слугами», был мелкой сошкой.

Все вошли в огромный кабинет мэра. Сергеев сидел во главе длинного стола для совещаний. Сбоку, вдоль стены, располагались: ряд стульев, два дивана, столик для чая; на полу – ковровая дорожка, над головой хозяина кабинета висел портрет Президента. За столом сидели Гоша, архитектор города Хохлов – толстощекий тихий человек в некрасивом костюме и синем галстуке, и его заместитель Сыров, чем-то похожий на своего шефа, наверное, костюмом и щеками.

—Присаживайтесь, – Сергеев указал на стулья. – Говорим коротко, времени на болтовню жалко. Думаю, уже знаете, что делать – конкретнее уточнит наш архитектор, он детально проект проработал. Так что Андрей Кузьмич, ты деньги по цепи прогони, когда дело на мази будет, разбросаем прибыль по счетам, как обычно.

Курков послушно кивал головой.

Гоша рисовал у себя в блокнотике квадратики, поглядывал то на Семёна, то на Сергеева. Глаза усталые. Его болезнь была видна уже не вооруженным глазом.

—Я думаю, нет особой нужды ждать, пока начнется строительство, а деньги, я имею в виду прибыль, можно сразу вычесть, – он говорил Сергееву, а смотрел то на Пирогова, то на Куркова, словно ища их поддержки.

—Нет, – Пирогов отрицательно мотнул головой. – У меня не совсем частная лавочка, а почти госпредприятие – блокирующий пакет акций на счету госимущества, я откровенно куролесить не могу.

—Подождем, – Сергеев также не хотел торопиться. – Я уже сказал, ты, Гоша, перегибаешь палку. И так получаешь ссуду и льготы, а хочешь ещё деньги прокрутить вперед, удвоить капитал. Шустришь.

—Помогу и вам тоже сделать.

—Пока подождем.

—Ладно, – сдался Гоша. Откровенно сказать, ему было всё равно, удалось бы уже сейчас получить деньги и пустить их в новый оборот или нет, во всем он видел бесполезность, его болезнь мешала ему работать на всю катушку, но именно работа и оставалась сейчас в его жизни главным.

Семён всё время молчал. Его ни о чем и не спрашивали, ничего конкретно ему не говорили и не собирались сказать – он был тенью Гоши, одним из его работников, всё ещё оставаясь пешкой в большой игре и, после смерти Гоши, мог автоматически выпасть из клана.

Гоша не давал ему первых ролей в операциях с участием людей, решающих всё в этой жизни, но Семён надеялся, что освободившееся место всё же останется за ним, хотя бы потому, что от него уже не держали секретов, а это говорило о многом.

Итак, дело с подземными переходами было открыто, участники его становились ещё богаче. Семёну, после всей канители, очищалось несколько миллионов рублей, и он верил, что в дальнейшем станет долларовым миллионером, как Гоша, а может, ещё круче.

Катя проснулась раньше обычного, позавтракала, как попало покрасила ресницы и губы – ощущение утраты не покидало её. Надо было снова идти на работу, где всё будет выворачивать наизнанку. Опять терпеть ехидные взгляды сослуживец, сарказм Наташки, нелепое заигрывание следователей и бесшабашных оперов. Сплошная пошлота.

Дочь проснулась, бабушка повела её умыть, по дороге не переставая ворчать. Вчера она устроила скандал из-за того, что Катя немного выпила у Юльки. Нет, от старого не избавишься, уже нет. Живое напоминание будет всегда с ней.

Она ушла из дому, оставив мать ворчать над дочерью в одиночестве.

Подожёл наполовину заполненный людьми автобус. Пришлось ехать стоя.

Вестибюль управления Катя проскользнула незамеченной, перевела дух – с утра Наташкиных гримас сегодня не будет. Она отомкнула ключом дверь кабинета, бросила на пыльный стол сумку, опустилась на жесткий стул. Итак, заботы и сопли остались на улице, здесь – только работа. Она вздохнула, достала из несгораемого шкафа скоросшиватели с делами.

В дверь простучала скорая дробь и, тут же стремительно вошёл непосредственный начальник Кати – старший следователь Панин, майор, грубиян и охальник. Вид у него был взволнованный, худое лицо плохо выбрито, волосы торчком.

—Привет, подчинённая! Порученное вчера уже сделано?

Катя неспешно уселась поудобнее, раскрыла скоросшиватель с делом.

—Сделано, товарищ майор.

—Что там у нас по делу об ограблении кафе? Ты обещала поговорить с Линьковым насчёт видео, – Панин встал у окна и, внимательно глядя на пустой двор управления, забарабанил пальцами по подоконнику.

—Сегодня поговорю. Вчера не дозвонилась.

Панин вдруг обернулся, впился глазами в лицо Кати. Она поняла, что «шеф» собирался о чём-то спросить, не относящимся к делу. Отношения у Кати и Панина были не формальными, но иногда майор её стеснялся.

—А насчёт моей просьбы как?

—А-а. Тоже сегодня. Дай мне её номер телефона, если что выгорит, я ей позвоню, куда и когда подойти.

Панин на днях просил разузнать среди Катиных знакомых, может, у кого есть на примете место работы для его племянницы, чтобы не пыльное и деньги платили регулярно, и Катя собиралась обратиться с этим всё к тому же Линькову.

Линькову было тридцать девять лет, в молодости он трудился водителем грузовика, торгуя углём, дровами, песком и щебнем. Скопленные деньги удачно вложил, выкупив по дешёвке у мэрии убыточный Дом Быта и сейчас процветал на услугах населению. У Линькова могла оказаться свободная вакансия, тем более для племянницы следователя – ему это было более чем выгодно – в случае чего, свои люди в «ментуре» прикроют. А звонить насчет ворованных дивидюшников – в Доме Быта у Линькова была скупка видеотехники, и туда частенько мазурики носили всё, что плохо лежало у граждан в квартирах. Если Линьков купил украденный дивидюк из кафе, у него была запись этого действия с камеры слежения, размещенной в помещении скупки и можно было рассмотреть злодеев, их физиономии и прочие физические характеристики.

Катя знала Линькова с детства – жили в одном микрорайоне. Так что чужим его не считала. Взгляд Панина её подстегнул и она, пододвинув телефон, позвонила Линькову домой.

—Есть разговор.

—Опять техника? – Линьков усмехнулся. – Карышева, пристальное внимание органов к моему скромному предприятию очень мешает бизнесу.

—И насчёт техники хочу поговорить, и одной девочке работа нужна.

—Кто она?

—Родня моего шефа.

—Ого! А шеф твой деловой человек?

—Все мы сейчас деловые.

—Ладно, приходи часов в восемь. У меня вечеринка дома, там обсудим.

—А в другое время?

—Тебе же надо, не мне...

Вредина Линьков бросил трубку и Кате, взглянув на Панина, ничего не оставалось, как кивнуть:

—Думаю, с работой может что-то выгореть. Вечером он точно скажет.

—Катя, ты меня знаешь, в накладе не останешься. Услуга за услугу.

Вечер в обществе Линькова Катю совершенно не устраивал, но дело было сделано. Мать снова будет ругаться, обзывать её потаскухой. Ей бесполезно объяснять, что в полиции работают и вечерами, и даже ночами – всё думает, что Катя по мужикам бежит.

Довольный Панин ушёл из кабинета, но скоро вернулся и они поехали на вызов – убили женщину и Панину поручили вести следствие.

Обзор места преступления, опрос соседей заняли всю первую половину дня. Обедать Панин поволок Катю в свою холостяцкую хибару, располагавшуюся в том же районе, где случилось убийство.

Жил Панин в двухкомнатной квартире старой планировки с совмещенным санузлом и маленькой кухней. В квартире царили кавардак и хаос – всё было разбросано. На телевизоре, журнальном столике, подоконниках лежал толстый слой пыли. Чтобы пыль не вытирать, Панин написал на ней пальцем слово «Пыль» и успокоился.

—Котлеты будешь, коллега? – Панин выглянул из кухни с миской зажаренных котлет.

Катя обернулась, улыбнувшись.

—Давай.

—Рис ещё есть с кетчупом.

—Хорошо. А почему ты не прибираешься?

—А... Некогда.

—Что ты делаешь после работы?

—Разное, – Панин пожал плечами и снова скрылся на кухне.

Зашипел жир на сковороде. Катя уловила пряный аромат котлет, в желудке засосало. Она заглянула на кухню. Панин стоял у газовой плиты и задумчиво смотрел на котлеты, словно видел их впервые.

—Чем, спрашиваю, занимаешься после работы?

Панин хитро ухмыльнулся.

—Хочешь узнать?

Катя пожала плечами. Почему нет? Не стоять же и тупо ждать, пока вчерашние кулинарные изыски Панина станут годными к употреблению!

—Пойдем, покажу, – он оставил плиту и поволок Катю в спальню.

Спальня больше походила на библиотеку. Здесь стояла кровать, рядом с ней помещался письменный стол, загроможденный стопками книг.

Все стены были в стеллажах и кругом были книги, но не обычные, а старинные, в коричневых кожаных переплетках с застежками.

—Ну, как?

—Собираешь, что ли? – удивилась Катя. – Не знала за тобой такой страсти. Где достает такое добро?

—Где только можно. Любыми путями. – Панин хитро заулыбался.

—Такая музыка дорого стоит.

—Ещё бы! Продать всё это, на «Мерседес» новый хватит.

—Это ты слишком, – не поверила Катя. Ей казалось, что старинная макулатура реальных денег обладателю принести не могла. Другое дело – картины, скульптуры, та же мебель антикварная. А книги... Кому они нужны, кроме специалистов-историков? А историки – народ не богатый.

—Честно говорю. — Панин секунду изучал внимательным взглядом лицо Кати, но видя, что ожидаемого восторга от неё не добиться, сдался. — Ну, ладно, на два джипа. На «Лэнд Крузер» и «Порш Кайен».

—Ха-ха! Микроволновку лучше бы купил. Удобнее же, чем на плите разогревать. Уже бы давно поели и в управление поехали.

—У тебя женский взгляд на быт, а быт мне не интересен.

—А это? Очень интересно?

Панин потрогал рукой фолианты на столе. Кате показалось, что в его взгляде на книги сквозило благоговение, словно он прикасался к реликвии. И не скажешь, глядя на Панина, такого смурного в управлении, скрытого в себе, что его обуревают возвышенные чувства.

—Засасывает. Вот эта книжонка семнадцатого века. Вот Апокалипсис девятнадцатого века.

—В городе у нас ещё кто-то этим увлекается? Или ты один такой незаурядный? — Катя не смогла удержаться от сарказма.

—Знаю троих. Сергеев — наш мэр. У него, вообще, уникальная коллекция. Бесцов — его подхалим, тоже имеет несколько редких книг дорогих, он стал собирать недавно, чтобы на Сергеева походить. И мэр Арска Юдин.

—Элитное увлечение. Бесцов, хм, интересно, — Катя тут же вспомнила интересного гостя Юльки и его попытку вскружить ей голову. — И что, ты с ними общаешься?

—Иногда, — Панин передернул плечами. Стало ясно, что до Бесцова ему очень далеко. — Перезваниваемся. Если у кого есть ненужный экземпляр там ... Что, пойдем обедать?

—И у кого лучше?

—Что?

—Собрание, коллекция, я не знаю, как это называется.

—Говорю — у Сергеева, потом у меня. Юдинского собрания я не видел, но Сергеев говорил, что у того есть редкие экземпляры, какие и за границей за хорошие бабки с руками оторвут.

—То-то я думаю, что это наш Панин квартиру на сигнализации держит.

—Это целое состояние.

—Ты у нас, оказывается, богатенький Буратино. Откуда деньги берешь на приобретения? Оборотень в погонах? Когда планируешь распродажу, чтобы превратить всё в презренные денежные знаки?

—Э, нет, этот капитал будет лежать в туне, ни одной книги не продам, даже с голоду подыхать буду.

—Зря. Надо жить в своё удовольствие.

Они прошли на кухню.

—Я и живу. Обладание такими сокровищами приносит большее удовольствие. Садись за стол, — Панин указал Кате на табуретку, быстро извлек из настенного шкафчика тарелки, выложил котлеты, рис, плюхнул на стол литровую бутылку шашлычного кетчупа. — Хлеб нужен?

—Нет, спасибо. Я хую.

—Ты и так стройная.

—Потому стройная, что ем мало!

—У нас в области есть одна книжка, за ней все охотятся. И Сергеев. И Юдин. Про Бесцова не знаю. Рукописная. Середина семнадцатого века. Своеобразные летописи. — Панин усмехнулся. — Только описаны в ней не события прошлого, а будущего. Эдакое старинное знание. Предсказания судеб человечества. Её бы заиметь! Её на Западе за любые деньги пихнуть можно, — глаза Панина горели. Чувствовалось, он так увлечен, что даже не ощущал вкус еды — видел въяве возжеленное сокровище. Да, с таким мужиком ни одна женщина рядом ужиться не сможет. О работе бы лучше так пекся! Книга с предсказаниями его интересуется. Поди, оче-

редная дата конца света! Нострадамуса им мало, теперь какое-то русское прорицание познать хотят! Да...

—И где эта книга? – Катя улыбнулась, жуя котлету. Панин- собиратель её очень потешал. – Раз она такая важная, её сильно охраняют? А наш президент её читал? Она же судьбы всех стран раскрывает!

—Смеешься? Никто не знает, где она. Прячут старики. У кого-то из богомолков. Я думаю, знаю, знаю у кого, но старик тот хитрый.

—Кто он? Антиквар? Или новый святой?

—Мой знакомый. У него есть несколько церковных книг. «Апокалипсис» хотел у него купить. Восемнадцатый век. Картинки, краски яркие. Не продаёт. Думаю, он в курсе.

—Сдай его эфэсбэшникам, они его живо раскрутят, и «Там», – Катя показала пальцем на полоток. – Всё узнают об опасности и всех нас спасут!

—Ага. Спасут себя! Сами разбегутся, как тараканы, да деньги свои и сокровища вывезут.

—Тебе она зачем? Ты что сделаешь? Ты родину спасешь? Она хоть по-русски написана, или на какой-то древней тарабарщине и, чтобы узнать дату, необходимо найти сотни ключей? Петя, ты такой солидный дядя, а рассказываешь мне истории для дошколят и, что самое удивительное, я вижу, ты веришь в то, что говоришь.

Панин, вдруг застеснявшись, пожал плечом.

Катя не отставала:

—Сергеев про него знает, про твоего хитрого старика?

—Все знают, держат на прицеле. Мы же, как хищники.

—Панин – хищник, – Катя ухмыльнулась. – И скольких ты стариков обманул, собирая свою коллекцию? По дешевке скупал, поди, а?

—Ладно тебе, – отмахнулся Панин от её шуточных наскоков.

—Нет, ну верно. Честным путем такую коллекцию не соберешь, – Катя прищурилась и погрозила Панину пальцем. – Зря ты мне всё показал. Смотри! Буду тебя шантажировать, если что!

—Не ожидал... А ты коварная!

—Конечно, коварная. Я – женщина!

Вечером Катя вырвалась из дому через материну истерику: «О дочери подумай!». Катя шагала по темным улицам, кляня всё на свете.

К Линькову она пришла раздраженная, с чувством невероятной усталости от жизни. Гости уже сидели за столом. Жена Линькова Света старалась выглядеть приветливой, но по её лицу было ясно, что глупая идея Линькова позвать Катю на вечеринку, где собрались лишь близкие знакомые, её не устраивала, значит, вечером у Линьковых будет скандал. Кате это не трогало – наплевать, она пришла не пить на халяву, а по делу, пусть Линьков сам отдувается.

Её посадили рядом с молодым парнем. Пришлось сидеть битых три часа, улыбаясь, не смотря на усталость и нервное напряжение, отвечать на нелепые вопросы подвыпившего «кавалера», пока все окончательно не потеряли интерес к столу, и Линьков усадил гостей на пол перед телевизором, смотреть видеоотчёт об отдыхе «мистера Линькова» с семьей в Греции.

Свет потушили, и Катя заметила, что Линьков расположился рядом.

—Я думал сегодня над твоей проблемой, – он смотрел в экран, говорил тихо. Катя мельком взглянула на Свету – та бесилась. Да, скандала в семье не миновать. Катя ведь моложе супруги Линькова на пять лет, поди, уже насочиняла себе бог весть что!

—Могу предложить для племянницы твоего босса пару мест, но они не суперклёвые.

—Что ты сказал? – очнулась Катя от своих дум – проблемы с матерью достали её по полной программе. Ещё не много и нервного срыва ей не избежать!

—Пару мест есть, говорю.

—У тебя?

—Нет, у меня пока глухо – знаешь, какое сейчас время, с работой тяжело. Всё забито, даже с небольшой зарплатой. Знаю, в «Туристе» есть место экскурсовода. Работа нудная, но платят нормально.

—«Турист» так «Турист», – Катя задумалась на секунду. – Девочку к тебе прислать?

—Девочке сколько лет? Совсем зелёная?

Катя смешливо фыркнула.

—Полуспелая.

Линьков нагнулся к самому лицу Кати.

—Завтра, во время обеденного перерыва, приходи в мою забегаловку, вместе сходим к одному парню, если он для меня сделает то место, тогда пришлешь девочку.

—Мне обязательно приходиться? Может, вы уже сами там с ней?

—Нет, ты уж приходи. Почему ты думаешь, я так стараюсь? Может, у меня сердце к тебе нервно стучать стало.

—Вот как? Ха-ха-ха. Надо воспользоваться ситуацией. Приду, чтобы ты порадовался, а заодно дивидюк в твоей скупке посмотрим. Ворованный.

—Без разговоров. Если найдешь, приёмщик журнал скупки покажет, просмотрим запись камеры слежения, но дивидючок ты не отбирай, мне же прибыля получать нужно. Семью кормить.

—Не плохо кормишь – по Грециям разъезжаешь!

—И всё-таки...

—Замётано. Баш на баш.

—Ты деловая женщина!

—Была бы я деловой, в полиции не работала.

—Ну, а сама как, успокоилась уже? – резко сменил тему Линьков, то и дело, поглядывая на свою злящуюся супругу. Мазохист он, что ли?

—Ты про мужа? Успокоилась.

—Ты всегда была сильной.

—Не спорю. – Согласилась Катя.

Она была не уверена, что это правда.

На следующий день Катя отправилась с Линьковым к «одному парню». Линьков отвёз её на своей машине в центр города, там, напротив парка, находился Дом Печати, где помещались редакции всех городских газет.

—Нам не в само здание, а в подвал. Вон вход, – Линьков указал на белую металлическую дверь.

—Что ж твоего важного человека в подвале держат? – усмехнулась Катя. Она любила подтрунить над Линьковым. Интересно, как он пережил ночь: супруга до какого часа убивала упрёками?

—Он сам туда спрятался.

—А ты вчера куда прятался? Жена накрутила уши?

—Накрутила. И не только уши. Стервозная стала. К тебе приревновала.

—Вот как? – сдерживая смех, изобразила удивление на лице Катя. – Я повода не давала.

—Ну, её. С каждым годом всё злее.

—Твоя вина.

—Почему моя? – удивился Линьков, открывая дверь и пропуская Катю вперед.

—Если раньше она не была такой плохой, значит, каждый прожитый с тобой день влияет на неё и не в лучшую сторону. Усёк? Выходит, ты вредный мужик.

Линьков понял, что она шутит, и рассмеялся.

Они прошли по освещенному коридору до приоткрытой двери. Было тихо, но за дверью кто-то шуршал клавишами компьютера.

Войдя в небольшой кабинет, Катя вздрогнула – здесь был Семён.

В душе что-то дернулось – радость или испуг, или всё вместе, и она непроизвольно рассмеялась.

Семён замер от неожиданности, но обрадовано вскочил со стула.

—Вы?

—Здравствуйте, Семён.

—Семён, привел тебе очаровательную женщину, моего хорошего друга, которой требуется помощь, – сказал Линьков. – Это Катя.

—Мы знакомы, – Семён улыбался. – Здравствуйте, Катя.

—Рада вас видеть, – Катя присела на поданный стул. – Так значит, вы тот человек, который устроит мою протезу в «Турист»?

—Всё шутите, – Семён был рад её видеть. Он сел рядом с ней.

Линьков внимательно посмотрел на них.

—Получается, я совсем не нужен – разберётесь без меня?

—Конечно, – заверил Семён, не переставая глядеть на Катю. – Мы решим всё сами.

—Катя, значит, я ждать тебя не буду.

—Езжай. Привет супруге.

Линьков снова усмехнулся и исчез за дверью.

—Я о вас всё время думал, – сразу сообщил Семён. – Та встреча была не случайна.

—Посмотрим, – Кате было приятно, что они встретились.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Они оказались серые. Она не любила серых глаз, но у него они не были холодными. Такой цвет глаз не позволял почувствовать тепло, исходящее изнутри, как у кареглазых и зелёноглазых, но у Семёна во взгляде прыгали тёплые искорки.

—И всё-таки, если отбросить романтику, Линьков действительно сказал, что хороший парень из подвала устроит тёплое место племяннице моего шефа. Вы, правда, пользуетесь влиянием в агентстве «Турист»?

Семёну сегодня она показалась совсем другой, чем в тот вечер – злой юмор ещё больше разжигал в нём обожание этой женщины.

Неужели, она ему по настоящему понравилась? Это было сногшибательно!

—Всё просто. «Туристом» руководит моя двоюродная сестра.

—Очень хорошо. Круговая порука.

Семён рассмеялся.

—Мафия.

После совещания у мэра, Тёма отвёз Семёна в горархитектуру. Затем они мотались по городу из одного предприятия в другое, но дела шли быстро – Семён в каждом месте был не более получаса, поэтому в три часа дня он окончательно отпустил Артёма, выдав отпускные. Теперь Тёма был уже в отпуске. На сегодня оставалось помыть машину и поставить её в гараж. Тёма хотел ещё заехать домой к деду, договориться насчёт Андрея и попросить немного бензина.

Дед затевал с Андреем какую-то бийскую авантюру, за какой-то надобностью вытребовав у Тёмы, чтобы он взял младшего брата с собой в Бийск, мол, там у него есть одно дельце. Тёма живо представил недовольство Ксении по случаю такого «приятного» отпуска, но смирился,

прикинув в уме, что по такому случаю сумеет вытянуть из прижимистого старика бензин на всю дорогу и сэкономит на этом порядочную сумму.

Тёма знал, что у деда Ивана в Бийске жил деловой приятель, такой же старый хрычара и пердун, потому старик и снаряжал Андрея к нему, ибо ему, Тёме, дед своих дел не доверял.

Вражда между Тёмой и дедом началась давно, года три назад, когда Тёма занял у старика денег из кубышки, долг не вернул и самого деда послал подальше, когда тот попросил поделиться запчастями – жалко стало. Дед не простил, а Тёма отмахнулся: «На обиженных воду возят!».

Но жизнь, как это не прискорбно, заставляла вновь и вновь обращаться к старику за поддержкой, и это было мукой, потому что дед Иван помогал, но с таким видом, что лучше бы показывал кукиш. А просить у кого-то другого Тёма не мог – дед был единственной роднёй, к тому же помощь для старика не была обременительна. В детстве, во время Великой Отечественной войны он был сыном полка, попал под миномётный обстрел и потерял кисть правой руки, и ныне пользовался всяческими льготами, как инвалид ВОВ, в том числе бензин частично получал бесплатно – по сто литров на квартал, а часть покупал по льготной цене. У деда был автомобиль «Жигули», купленный давным-давно за символическую цену и до сих пор завод обеспечивал его, как инвалида войны, запчастями со скидкой. Дед потом перепродавал запчасти знакомым с небольшой накруткой – брать в магазинах было дороже. Зимами дед работал кочегаром в кафе. Налоги, квартплату и телефон не оплачивал. На самолёты, поезда и речной транспорт имел право бесплатного проезда раз в год туда и обратно, а на междугородние автобусы за полцены. Получал путёвки в санатории, куда не ездил, а брал за них компенсацию деньгами. Ко всему прочему, был он скуповат, что делало его зажиточным. Тёма считал деда жадным – ничего лишнего не даст, а если даст, то пять лет будет этим тыкать. В такие моменты в нём просыпалась глухая ненависть, но всякий раз старика приходилось снова о чём-нибудь просить.

Дед с бабулей и Андреем жили в маленьком четырёхэтажном доме, построенном ещё во времена хрущёвской кампании по расселению людей из бараков в малюсенькие квартирки. Квартира стариков была однокомнатная, с маленьким узким залом и микро кухней, но на солнечной стороне. Напротив дома, сразу после вселения, жильцы выстроили ряд кладовок и гаражей. С той поры всё здесь осталось без изменений, только деревья выросли выше крыши, было зелено, и прохладная тень делала двор уютным. Дед и тогда не сплеховал, оттяпал себе два участка под кладовки и имел теперь гараж и, почти такую же по ширине, кладовую. Единственным достижением в благоустройстве быта за бабулей числилась квартира, полученная за долгий добросовестный труд уборщицы на мясокомбинате, там она проработала бессменно лет двадцать пять, а то и больше.

На улице было довольно душно. Солнце тускло светило сквозь пелену размытых облаков. Чувствовалось, что к ночи пойдёт дождь.

Тёма оставил машину перед домом. На лавках перед подъездом никого не было – старики-сплетницы выползали к вечеру, когда спадал зной.

Он поднялся по узкой лестнице на третий этаж, вошел – днём старики никогда не закрывали дверь на засов.

—Здравствуй, бабуля, – он увидел бабулю, наливавшую суп в миски.

Дед сидел за столом спиной к Тёме, сразу обернулся, обрадовано поздоровался:

—Здравия желаем! Проходи, обедать будем.

—Поздновато обедаете – ужинать пора.

—Нам что, захотели есть – сели.

Тёма вошел в ванную, вымыл руки. На кухне бабуля глухо ворчала на старика. Они часто ссорились по пустякам. Прожили вместе полвека, но так и не смогли научиться относиться друг

к другу добрее. Сколько Тёма помнил себя, они постоянно ругались, особенно после дедовских запоев, случавшихся еженедельно, и приключений на стороне – их тоже было не мало.

—Суп будешь? – дед смачно наворачивал густое варево.

Тёма почувствовал, что голоден.

—Буду.

—Я тебе каши дам, суп уже два дня в холодильнике стоял, – сказала бабуля, махнув на кастрюлю с супом, кивнула на деда. – Этот, как свинья, всё съест.

Дед усмехнулся, покачал головой, продолжая есть.

—Значит, завтра едете? – спросил дед.

—Да. Сегодня Ксения пакует вещи, а с утра покатым. Андрюха где?

Бабуля преувеличенно громко возмутилась:

—Что за Андрюха? Сколько говорю, так не называть его. Как кличка какая-то. Ушёл куда-то, ещё с утра.

—Я заеду утром за ним, всё необходимое чтобы приготовил, сменное бельё, щётку зубную...

—Я сама его соберу, – бабуля поставила перед Тёмой миску с кашей.

—Дед, дай мне бензина.

Дед сразу насупился, некоторое время не отзывался, молча работая ложкой. Тёма напряженно молчал. Всегда не любил его за такие минуты.

—Сколько тебе? Сам ещё не получал, покупать придётся.

—Канистру дай.

—Даст, Тёма, – бабуля погладила Артёма по голове.

—Тебе бы всё раздать! – возмутился дед на бабулю. – Пообедаем, сходим в кладовку, посмотрю, сколько осталось.

Тёма быстро доел кашу, чай пить не стал, захотелось на улицу – рядом с дедом желания сидеть не было. Можно было и не просить бензин, своих денег хватало машину заправить, но пусть даёт, раз Андрея приходится брать с собой. Навязался обормот, бездельник! Из-за него от Ксении житья не будет, да и тётка в Бийске попьёт крови. Не отпуск, а мучение.

Тёма вышел на балкон, закурил. Дед одно время пытался увещеваниями отговорить его от курения, богом запугивал, но Тёма его доводы не воспринял – дед, хотя не курил, называя табак адским зельем, слишком часто прикладывался к выпивке, да и женщин не пропускал, какие уж тут божественные проповеди!

—Вино пить – сердце веселить, сам Бог велел, – говорил на его возражения дед. – Но не обжигайся! А я обжигаюсь. Блуд ... – дед вздыхал. – В этом грешен.

И смех, и грех. Дед часами каждодневно читал божественные книги, отмаливая свои грехи, а заодно, и всей родни.

—А не грешить, самый большой грех, этим человек уравнивает себя с Богом, ибо только Бог безгрешен. – оправдывал он свои частые проступки, при этом многозначительно поднимал вверх указательный палец. Когда же бывал очень пьян, кричал на всю округу:

—Я сам Бог! Я!

Дед вышел из-за стола, громко высморкался в тряпку, невнимательно помолился.

—Пойдем, посмотрим, – позвал он Тёму, одевая в прихожей сандалии.

Тёма последовал за ним.

Дед долго возился с замком на воротах кладовой, ушёл в глубь, стал там ковыряться в темноте. В кладовке валялось громадное количество старого хлама: покорёженные двери от «Жигулей», сломанные машинки для закатки банок, прутья, проволока, бутылки из под масла, пустые стеклянные и железные банки, старая кровать. Вдоль стены выстроились двадцатилитровые канистры с бензином и два трехведерных бутыля из под какой-то химической дряни – дед их отмыл и уже несколько лет ставил в них яблочное и сливовое виною

—Тащи свою канистру, налью. Есть ещё, – раздался его голос.

—Дед, дай с канистрой, – попросил Тёма. Ему не хотелось забирать канистру Семёна, чтобы тот не придрался, но дед разгорячено резанул покалеченной рукой:

—Нет, с канистрой не дам. Вдруг Коля бензин привезёт, мне во что налить? Для дачного мотора надо прикупить. Я с Колей вчера сговорился, должен подвезти. Мне канистра нужна.

Дед часто покупал бензин за полцены у соседа с первого этажа – тот работал на грузовике в воинской части и канистру-другую «экономил», чтобы потом продать.

—Хорошо, – Тёма не стал спорить.

Наполнив канистру бензином, он хлопнул старика по плечу.

—Ладно, дед, давай! Поеду. Мне ещё машину мыть. Передай Андрею, чтобы к семи утра был на взводе!

Прыгнув в машину, он, со спокойной душой, поехал в гараж. Можно было заехать в автомойку, но Тёма экономил, не развалится, сам помоем у гаража, благо вода в гараже Семёна горячая, а деньги за мытьё машины, естественно, прикарманит. Вот он, какой прижимистый! Но благодущные мысли рассыпались, как только подумал о Ксении. Наверное, в старости будет такая же вредная и скандальная, как бабуля, а он – такой же домовитый, как дед. Он представил себя сгорбленным старым хрычем и усмехнулся.

Проносясь по дороге, он мельком увидел плетущегося по обочине Андрея. Останавливаться не стал – всё, что нужно, уже передал старикам.

Наступало утро. Солнце ещё не выглянуло из-за горизонта, но поток ярко красных лучей уже осветил землю. Холод уступал место прохладе. На листьях и траве сверкали капли росы.

Андрей вышел на балкон, поёжился, мгновенно замёрзнув, посмотрел на небо – ни тучки, значит, весь день будет жара и в этом пекле придётся ехать в душном салоне Тёминого тарантаса. Да, приятное путешествие получится!

Он ни в какую не желал ехать, но дед заладил, что Тёмке он не доверяет и посылает именно его забрать старинную книгу, которую хранил его дружок дед Арсений. Книга была очень старая, семнадцатого века, эдакий фолиант на застёжках. Дед всё бурчал, что она хранит страшнейшую тайну и весь мир провалится в тар-тарары и там всё конкретно указано когда и сказано, где можно укрыться от гибели. Можно было послать деда подальше с его старческим маразмом – совсем сошел с ума от алкоголизма, но обижать старика не хотелось. Как ни крути, а дед Андрея очень любил, такая любовь требовала ответного участия...

Сначала дед хитрил и конкретно о содержании книги не рассказывал, пускал туман, потом пошел на откровенный разговор.

—Я бы сам съездил забрал, да на даче полив сейчас, – объяснял дед. – А книга мне здесь нужна.

—Зачем она тебе? Лежит у Арсения и пусть лежит.

—Что ты знаешь?! – дед презрительно шурился. – Я эту книгу давно прячу. Цены ей нет. Она мне по наследству досталась. Когда большевики Москву захватили – Кремль вчистую разграбили. Книга эта оттуда. У старика была одного, её на сохранение один белогвардеец оставил. Старик богомольный. Он когда умирал, я к нему в Бийск ездил – за «Апокалипсисом». Сутки на коленях стоял, чтобы он мне «Апокалипсис» продал. Убедил я его, что «Апокалипсис» для крепкой молитвы мне необходим. Поверил он в меня, потому и ту страшную книгу тоже отдал. Храни, говорит, Иванушка, в ней правда о Руси и земном мире. Тогда я и с Арсением познакомился. Когда тот старик помер, его книги растащили всякие понаехавшие, а «Апокалипсис» и «Судьбу» (так книга именуется) я у себя скрыл. Пытался читать её – на староцерковном всё

писано – оно и понятно. Много там символов, но сразу понимаешь о чём речь – события и места, словно кино в голове возникает. Страшно стало, до конца не дочитал. Чувствую – дочитаю и свершится всё!.. Так вот, через некоторое время вышли на меня эти хитрые коллекционеры, пытались купить, денег прорву предлагали, потом ограбить пытались...

—Что, книга сильно дорогая? – сразу заинтересовался Андрей.

—Любая старинная книга нынче дорого стоит. А «Судьба» особенно. Здесь за нее дадут миллион, а за границей – и десять, и сто. Эта книга – ключ к жизни. Так вот, раньше боялся её дочитать и узнать всю правду, а теперь пришло время.

—Заливаешь, дед, про миллионы! – Андрей знал за дедом грешок – насочиняет и сам искренне верит, но в душе приятно запершило. Вдруг, правда, книга дорогая?! Бог с ними, с предсказаниями в ней, она сама по себе сокровище и, если сбыть её правильно, она точно изменит судьбу!

—Заливаю? – дед посмеялся. – Вон, Сергеев, наш городской голова – он книги собирает и давно мечтает о «Судьбе». Юдин – тоже собирает. Им её только покажи! С руками оторвут!

Дед задумался и добавил:

—Или голову за неё оторвут.

—Ты не им, другим продай. Культурным людям. Жить будешь спокойно и денег навалом.

—Я узнать хочу...

—Ладно, прочитай, а потом продай.

—Мне денег хватает – не бедствую, – размышляя о чём-то, отозвался дед.

—Хватает?! – рассмеялся Андрей. – Миллион в валюте! Ого-го! Продай.

Дед очнулся от своих мыслей и оживленно взвился, негодуя:

—Вот Тёмка и продаст, если она ему только в руки попадёт!

—А зачем привозить её? Надо тебе всё узнать – съезди и прочитай. Там и продашь. Куда тебе торопиться? Придёт зима, времени много ... Тогда и я с тобой смогу съездить... Ну, там, подстраховать, если что...

—Во-первых, мы не знаем свой век, – намекнул на возраст дед.

—Ты говорил, что будешь жить больше ста лет! – подколот его Андрей. В пьяном виде дед любил хвастать своим стальным здоровьем и возможностью стать самым долгоиграющим дедом России.

Дед отмахнулся. Пояснил:

—Арсений звонил – крутятся вокруг него подозрительные людишки. Я-то ему её отдал, когда ко мне пытались раза два залезть. Увез её подальше от греха. Они и там разнюхали.

—Дед, хотели бы бандюганы твою книгу забрать – забрали бы. Особенно в лихие девятые – паяльник в жопу и сам бы отдал!

—Их ты какой! – хмыкнул дед неодобрительно. – Мы, богомольцы, народ крепкий и святыни не выдадим. Я фронтовик, – он показал искалеченную руку. – Меня паяльником не запугаешь. Это вы, молодежь, хлипкие. А наша кость старая.

—Святыня! «Судьба» не божественная книга.

—Божественная, не божественная. Ты ничего не понимаешь! – дед сердился всё сильнее. Андрей примирительно похлопал старика по плечу. Спросил, вроде бы, заинтересованно:

—И кто те люди?

—Коллекционеры или аферисты. Не всё ли равно? Так что привези, я её прочту до самого конца и определю в надежное место.

—Куда?

—Есть мысль. Хочу Петьке Панину отдать.

—Следователю? Дед – ты наивнее ребёнка. Отдашь, уже не заберешь! Для тебя «Судьба» – святыня, для Панина – источник наживы. Панин – ещё тот хапуга! В Банк её положи. Купи ячейку, как в камере хранения.

—Нет. Меня в своё время банки не раз обманывали. В трех банках лежали деньги, везде сгорели. А Петяка мне друг. Сколько с ним пили, на рыбалки ездили. У него тоже книг редких полно и он их не продает, хранит. У него квартира на сигнализации, да и сам милиционер.

—Смотри, дед, не доверяю я Панину. Отдашь ему на хранение, а забрать уже не сможешь. Сам говоришь – он милиционер. И не простой, а шишка. Он, если понадобится, вот как любого согнёт, – Андрей сжал кулак и покрутил им перед лицом старика. – Влиятельные люди его опасаются. Тебя он просто отпихнет и не вспомнит.

—Он мне друг, – упорно произнес дед. Потом передёрнул плечами, словно мёрз, добавил. – Может, и в другое место отдам. Ты привези, а там решим. А Тёмке ничего не говори про книгу.

Вот такой был разговор, но Андрей ехать согласился с большой неохотой. Во-первых, лето – река, пляж, водка, девки. Всего этого он будет какое-то время из-за поездки лишен. Во-вторых, Ксюха. Ехал бы Тёма один, Андрей помчался бы в Бийск без всяких разговоров, хоть важная книга, хоть совершенно бесполезная и не стоящая ни копейки.

А так Ксения доканает Тёму и ему будет давить на нервы. Ну, хрен с ней. Андрей её никогда не любил. Что-то подленькое было в её характере...

Тёма подъехал в начале восьмого утра. Андрей уже позавтракал и ждал. Быстро попрощавшись с дедом и бабулей, он сбежал вниз, поздоровался с Тёмой и Ксенией, Сашка (их дочь) показала ему язык.

—Садись вперед и накинь ремень, – сказал Тёма.

Андрей уселся, набросил ремень безопасности. Новенький «Рено» плавно покатиł со двора.

—Поехали, – улыбнулся Андрей.

—Тёма, надо было зайти к бабуле, набрать воды в бутылку, – сказала Ксения. – Сегодня жарко, много воды уйдёт.

—В багажнике есть пятилитровая канистра.

—В ней вода кислятиной пахнет.

—Пейте лимонад.

—От него ещё сильнее пить хочется и рот липкий.

—Отстань.

«Началось», – подумал Андрей, глядя на дорогу...

Семён пристроил племянницу Панина и тот ходил надутый гордостью, а Кате подарил букет дешевых гвоздик за «отлично» выполненное задание.

—Панин, ты думаешь обо всем, кроме работы, – пошутила Катя.

Просиживая часы в своем кабинете за бумажной галиматьей, она ловила себя на мысли, что всё время думает о Семёне, вспоминает их никчемную беседу в его офисе, его глаза, его жесты. В голове роились не хорошие мысли, она пугалась их и понимала, что порочна – ей никогда не приходило в голову, что она способна уже через несколько недель после расставания с благоверным почувствовать влечение к другому мужчине. Неужели она всегда была расположена к любовным авантюрам?

«Не буду забивать голову. Я теперь свободна и могу делать абсолютно всё», – думалось ей. И тут же она начинала размышлять над своим будущим и уже не находила себе места – всё валилось из рук. Пока жизнь складывалась совсем не так, как ей представлялось раньше. Она думала, что легко перенесет расставание с мужем, чуть поскучает, а дальше всё пойдет по накатанной колее... О-ля-ля, всё совсем не так.

Она только и думает, что о начале «новой» жизни и не может заставить себя выбросить из головы прошлое. Она совершенно самостоятельная женщина. Есть муж, нет мужа. Что изменилось? Только отсутствие секса, всё остальное – по старому. Но с сексом можно потерпеть, не к спеху. Так почему в сердце сжалось камнем беспомощность перед повседневщиной, прущей со всех сторон? Что будет с ней, с малышкой, вызывающей у нее лишь раздражение, но требующей внимания и заботы, с матерью? От таких переживаний голова шла кругом, и не хотелось ничего.

Из управления Катя вышла раздраженной и усталой, хотя целый день почти ничем не занималась. Сидела за столом и думала, думала. Даже Наташка её не трогала, видя, в каком она настроении.

Перед зданием теснились ряды иномарок и редких отечественных «лад». Мужики ходили между машинами, здоровались, смеялись, разговаривали друг с другом. Здесь такая картина наблюдалась в течение всего дня.

—Катя!

Катя вздрогнула от неожиданного окрика, оглянулась и увидела идущего ей навстречу от своей машины Семёна. Он улыбался.

—Здравствуйте, Катя! Это я.

Она почувствовала радость, увидев его, но тут же погасила в себе этот порыв. Ей вдруг стало страшно – она не знала, нужно ли позволить себе и ему увлечься друг другом. Всё так неожиданно. Она ещё не успела прийти в себя от разрыва с Иваном, а тут ...

—Семен, вы здесь?

—Да, вот, – он развёл руки и, не найдясь, что сказать, усмехнулся. Стало понятно, что приехал сюда он специально, чтобы увидеть её.

—Вы приехали по делу? – разыграла она непонятливость.

—Нет. Захотелось увидеть вас. Да, – пожал он плечами.

Как всё просто у него: «Захотелось увидеть вас».

—Зачем? – она на секунду задохнулась от радостного чувства, колыхнувшегося внутри. – Я вам нравлюсь?

—Да, – он кивнул головой, стал смотреть на свои ботинки, потом поднял голову, взглянул ей прямо в глаза. – Мне кажется...

—Нет, Семён, я ничего не хочу, – сказала она поспешно. Она поняла, что он захотел перешагнуть границу, разделявшую их.

—Я много думал... Я думаю, что и вам ... Что тебе, Катя, я тоже не безразличен.

«Вот оно!» – у Кати в голове понесся сумбур и стало дурно. Она нравилась ему, даже очень, раз он пошел на откровенный разговор. Но всё случилось так быстро... Он ей тоже симпатичен, но делать выводы ещё слишком рано. Она уже чересчур взрослая женщина, чтобы бросаться с головой в любовные авантюры.

Катя отвернулась, чтобы не смотреть ему в лицо. Ей казалось, что она покрывается пунцовым румянцем, и от того стало очень неловко.

Не поворачивая головы, она ответила:

—Может быть. Но разве стоит торопиться?

—Я могу быть полезен.

—Я это уже почувствовала, – она снова посмотрела на него.

—Может, есть смысл опереться на моё плечо?

И тут Катя рассмеялась – нервное напряжение в миг спало и стало легко. Теперь она не хотела продолжать этот разговор. Ей стало понятно, что Семён торопится, но он – её, у неё теперь есть время, чтобы принять решение, а он будет покорно дожидаться своей участи. Такой человек, как он, скорее всего, ей будет необходим, даже именно женатый, чтобы всегда иметь

право расстаться с ним, когда кризис минует и она удостоверится в том, что окончательно стала самостоятельной. Но потом, не сейчас.

—Рано, да? Я гоню лошадей? – Семен вдруг понял её состояние.

Катя обрадовано кивнула головой.

Семён огляделся, словно оказался неожиданно в незнакомом месте, потом пожал плечами.

—Тогда... я пойду?

—Да.

—Но мы увидимся?

—Обязательно.

Он стремительно развернулся и зашагал к своей машине.

—Кто это? – подошла сзади Наташка.

Катя видела, как Семён сел в свой «Лексус», как завёл двигатель и, выкручивая руль, резко развернул машину. Не оглядываясь на неё, он помчал прочь.

—Мой хахаль, – усмехнулась Катя.

—Ты загнула! – не поверила Наташка.

—Что, не могу иметь?

Наташка задумалась, громко вздохнула.

—Можешь. Но не хочешь. А может, хочешь, но не можешь.

—Дурная ты, Наташка, – рассмеялась Катя.

Семён ехал в машине, горячий воздух лизал лицо. Было плохо. Он не ожидал такого поворота событий. Неужели и вправду ему всё пригрезилось: его страстное желание быть рядом с Катей, её интерес к нему? Он просто не понимал, почему она боится его.

Он переживал заново их разговор. Он чувствовал её запах, ощущал, как скользит её взгляд по его рукам и лицу.

Он не заметил, как впутался, как чувства проснулись после долгой спячки и порвали то спокойствие, которое уже столько лет было в его жизни. Он не задавал больше себе вопросов: любит ли Веру? Счастлив ли с ней? Он жил с ней и решил, что будет жить до конца. Он зарабатывал деньги, надеялся выбиться в люди. И во всём Вера ему помогала. Не то, чтобы она непосредственно участвовала во всём, она просто никогда не спрашивала: уверен ли он в себе, правильно ли поступал? Она привыкла во всем полагаться на него и, чтобы не выходило (выходило только хорошее), одобряла его поступки или отделялась молчанием.

Что теперь?

Каркас бытия треснул.

В последние дни, не сразу после того, как Семен поверил в свою любовь к Кате, а буквально недавно, он заметил, что стал груб с Верой. Чтобы она ни говорила, он её или обрывал (было невыносимо слышать бесконечные рассуждения о бытовом неустройстве), или отстранялся. У них было всё прекрасно: и машина в наличии, и дача, и деньги, и тряпки, а она говорила, что обои хуже, чем у тех-то и тех-то, ванную надо заменить, розетки исправить, перестелить ламинат. Семёна это бесило.

А ещё он заметил, что и Вера была груба с ним, а чаще равнодушна.

Семён начал задаваться вопросом: может, она всегда была равнодушна к нему, все годы, а он не замечал? Да нет.

Ещё Семен стал думать, что никогда Веру не любил. Так и было. Говорил, что любит, а не любил.

Глупо всё получалось.

Семён заехал домой пообедать.

Как вошёл, сразу разделся до трусов – спарился в невыносимой духоте улицы, тело было покрыто липким потом, хотелось срочно под душ. В квартире царил полумрак – Вера закрыла шторы, чтобы сохранить прохладу.

Он залез в ванную, пустил воду, стал под душ, блаженно закрыв глаза и ощущая, как тело охлаждается. Сквозь шум воды слышал, как Вера гремела посудой – готовилась его кормить.

Вытерев волосы и, слегка промокнув тело, чтобы осталась влага и постепенно высыхала, он пошлёпал босиком на кухню. Вера уже нарезала хлеб, налила холодный щавелевый суп, из кастрюльки, вытащенной из холодильника, выкладывала в тарелку салат из помидоров и сладкого перца.

—Спасибо, – буркнул он. Взяв ложку, стал есть.

Вера молча ушла в зал. Семён слышал, как она включила телевизор.

Семён подумал, что раньше так часто случалось – он заскочит домой, ему подадут еду, он наестся, идёт читать или опять уезжает, и ни словом не перемолвится с женой.

«Какой страшной жизнью я живу», – в ужасе подумал он, автоматически поглощая суп и заедаая салатом.

—Вера-а!

Секунду никто не отзывался.

—Что-то не так?

—Иди сюда.

Вера громко вздохнула, поднявшись с дивана, вошла на кухню.

—Слушаю.

Семён отложил ложку, вытер рот рукой.

—Ты заметила, что мы перестали разговаривать?

—Я это заметила несколько лет назад, – Вера усмехнулась. – Странно, что ты заметил это только сегодня. Ешь и езжай работать.

Она развернулась и опять ушла в зал.

Семён оторопело смотрел перед собой.

Опять стал есть.

—Это всё, что ты мне оставляешь?! – крикнул он. Ему захотелось поскорее уехать или просто уйти куда-нибудь. Он бросил ложку, молча сидел, подперев щеку кулаком.

Сквозь говор телевизора услышал, что Вера плачет.

Они были в Бийске третий день. Андрей в первый же день разыскал старого Арсения и забрал дедовскую книгу – она была тяжеленная, в кожаном переплёте. Не смотря на просьбы деда Ивана не рассказывать Тёме про книгу, Андрей, не скрываясь, принёс её в дом Ксениной тётки и бухнул на стол. Тёма сразу же определил:

—Старинная. Это за ней тебя дед командировал?

—За ней, будь она не ладная. Дед говорит, она миллион стоит. Или десять, – ухмыльнулся Андрей.

—Да, да. Баксов. Слушай его, он наговорит.

—Не в том дело. Она не просто старинная. Дед говорит – это «Судьба».

—Судьба? Чья судьба? Говоришь загадками? От деда научился, – беззлобно подтрунивал Тёма, не веря в искренность младшего брата.

—Не слышал про неё? У нас в городе разговоров про эту книгу. В ней точно указана дата вселенской катастрофы и указано, где можно спастись и кто спасётся – будет избранным!

—Поповские байки.

—Дед говорит, в книге указано много катастроф, какие уже случились, а её написали давным-давно...— Андрей раскрыл книгу, бережно перевернул несколько хрупких листов. — Видишь, рукописная, на старославянском что-то... Дед сечёт по-старославянски. Надо сказать, пусть прочитает про конец света. Ха-ха. Может, он уже совсем скоро... Будем знать, куда драпать, успеем билеты купить!

—В двенадцатом году, вон, какая истерия была — конец света, майя предсказали! И что? Где конец света? Все живы.

—А может, какой вулкан взорвётся или ядерная война? И в книге всё прописано.

В глазах Тёмы возник интерес.

—Про апокалипсис иностранцы всякие книги пишут — это их конёк, а в русских «настрадамусов» я не верю... Может, она вправду дорогая? За миллион долларов, говоришь? Очень занятно... Вот за рубли, да кому из наших «колобков» её впихнуть...

—Ха-а, быстрый какой. Дед так и сказал — Тёмка увидит, сразу продать захочет!

—Нужна она мне! — изобразил обиду Тёма, отходя от стола. — Можешь быть спокоен за свою книжицу.

—Она не моя, а деда.

Тёма отмахнулся.

—Ещё дольше поживешь с дедом, с ума сойдешь с его прибабахами. Тоже сочинили — «Судьба». Где написано название? А? Навешал тебе дед лапши, чтобы ты привёз книгу ему, а он её будет громогласно читать и умиляться, особенно, когда выпьет.

Андрей, в глубине души, не исключал такой вариант — дед ещё тот ухарь, его впечатляющие рассказы желательно было воспринимать критически. Осмотрев книгу уже без прежнего благоговения, Андрей взял её со стола и отнёс в спальню, где ему выделили место для ночлега. Он аккуратно завернул книгу в платок и спрятал в свою спортивную сумку. Теперь он был готов ехать обратно, но, увы, отпуск Тёмы только входил в силу — предстояло нудное и скучное прозябание перед телевизором в большом доме Ксениных родственников и посещение гостей с застольями.

Помимо тётки и её мужа, хитрого хрыча, Ксения имела в Бийске более дальнюю родню — брата тёти, дядю Костю и его дочь Сашку, уже замужнюю. Всем им предстояло сделать визиты. Андрей бесился, но был покорен. По большому счёту, если расслабиться и принять всё, как есть, это даже клёво — ходишь по гостям, жрёшь, пьёшь на халяву, а вот сердце не лежало, прямо магнитом тянуло домой. И все муки из-за какой-то книжки! Вдруг, вправду, дед уши Андрею наклеил и там никакое старинное знание, а обычная лабуда и дед, реально, будет читать, разложив книгу перед диваном на табуретке, умиляясь, выставив Андрея дурачком. Развёл как лоха! Хотя... Какая бы книга ни была — с предсказанием апокалипсиса или нет, стоящая миллионы долларов или несколько тысяч рублей, он здесь находился, по большому счёту, не ради книги, а ради деда. Всё равно у Андрея дел особых не было, почему не уважить родного старика. Он ведь правильно говорил — как не крути, а ему не долго осталось жизни радоваться...

Сегодня гостей «забрали» к себе Сашка и её муж Степан. Но сначала они поехали к дяде Косте.

Дядя Костя жил одиноким затворником в трехкомнатной квартире и приезде гостей обрадовался, хлопотал, всех усадил в маленькой кухне за нечистый липкий стол. Вокруг был ужасный бардак — в настенных шкафчиках громоздилась немытая посуда и всевозможные банки, окно, наверное, не мылось несколько лет, подоконник покрывали кляксы жира, варенья и борща, иногда, по стенам, на огромной скорости, проносились тараканы. Ксения кривилась, но все остальные старались ничего не замечать — живет, как хочет.

Дядя Костя подал на стол борщ и плов. Степан достал водку, но дядя Костя замахал руками:

— Степа, грех!

— Почему?

— Пост же!

— Гости ведь приехали.

— Всё равно грех. В моем доме я не позволю!

Всем стало неловко. Степан здорово рассердился, но сдержанно убрал бутылку. Саша смиренно улыбнулась:

— Да ничего страшного, если выпьют по рюмке. Одна бутылка на всех. Для аппетита.

Дядя Костя закивал головой, торопливо пережевывая плов:

— Нет, нет. Кушайте, всё вкусное.

Все стали вяло есть. Разговор не клеился. Степан что-то выспрашивал у Тёмы, Саша разговаривала с Ксенией. Андрей молча ел. Ему совсем не нравилось это дурацкое путешествие. Сколько дней ещё терпеть эту муку?!

«Лексус» мчал по трассе, накручивая колёсами километр за километром. Омск остался позади. Семён сам вёл машину. На заднем сидении дремала Марина Кривцова, его неожиданная пассия. Марине было двадцать пять лет, она являлась супругой знаменитого профессора Кривцова, но старик не мог её «обрабатывать» по полной программе и она частенько находила ему временных заместителей. Семён подцепил её в ресторане гостиницы, где останавливался. А может быть – это она его подцепила. Главное, что всё время командировки им не скучалось – днём служебные дела, вечером ресторан и пьяный разгул, ночью – страстный секс.

Семён удивлялся – какой в нём прорвался «супербой» – приставания к Кате, тут же интрига с женой знаменитого городского медицинского светила. Как говорится – началась светлая полоса жизни.

Марина работала в городском еженедельнике и ездила в Омск освещать съезд производителей рекламы региона. А Семён был послан Гошей, то бишь самим Сергеевым, на нефтеперерабатывающий завод для подписания договора о поставке топлива в пригородный район на нужды уборочной. Перед этим наверху была грандиозная «резня» за право поставок бензина акционированным сельхозпредприятиям, и опять Сергеев «задавил» губернатора – пригородный район был, всё-таки, частью области. Поставки, через липовый конкурс, организованный мэрией, выиграл концерн Гоши, но сам Гоша светиться, не понятно почему, не захотел и для грандиозной операции привлекли фирму Семёна.

Семён ездил подписать уже заключенный через его голову договор.

Завтра он получит деньги из областного бюджета на свой счёт, положенное оставит, а остальное пустит в Омск, прибыль же аккуратно разбросает по счетам заинтересованных лиц. Всё как обычно.

— Когда мы остановимся? – спросила Марина, стряхнув дрему.

— Устала?

— Есть хочется и ещё кое-что.

— Пи-пи? – Семён усмехнулся.

— Ха-ха. Нет, что-то другое.

— По большому?

— Опять не угадал. Хочется тебя!

— Однако, ты ненасытная, – Семён улыбнулся и оглянулся на хитрое лицо Марины. Да, она явная шлюха. – Потерпи. Заедем в лесок.

— Ты деловой мужчина. На тебя жена не давит?

— В смысле?

—По жизни.

—Меня уже давно никто не трогает. А жена у меня очень демократичная женщина. За что на меня давить? Я в загулы не ухожу. — Семён улыбнулся. — Разве, если кого волной прибьёт.

—Часто прибывает? — поинтересовалась Марина и стала гладить его шею.

Семён подумал — до чего приятно общаться с малознакомыми дамами, овладевать ими страстно и менять, как перчатки. Почему он не жил жизнью повесы? Вопрос вопросов! Надо было задаться им значительно раньше!

—Что молчишь? Часто прибывает? — в голосе Марины послышались ревнивые нотки.

—Нет, — Семён ухмыльнулся. — Очень редко.

—И тогда ты цепляешься, как муравей за соломинку?

—А как иначе?

—О, я вижу, ты себя жалеешь. Бедный юноша!

—Есть маленько, — Семён улыбнулся и исхитрился поцеловать её ладонь. — Но это так, мимолётное.

—А знаешь, я когда со своим профессором пообжила, медовая дурь прошла, так я ой как заныла! Прямо заревела. Хочу туда, а он не разрешает. В кино или клуб — у него собрания, лекции. Правда, шмотками и духами берёт своё. Задарит, глядишь, я и отстану, сижу тихо какое-то время, — Марина засмеялась. — Самой смешно про свою семейную жизнь рассказывать. Но я не виню себя, что сделала такой шаг. По крайней мере, я обеспечена, и дети мои растут в нормальных условиях, не как я росла.

—Ты плохо росла?

—Росла-то я хорошо. До ста восьмидесяти вымахала. Я имею ввиду условия жизни. Быт. Всё детство, да и остальное время, сколько себя помню, приходилось во многом себе отказывать. Так, вроде, посмотреть, ведь я и не жила — выживала. Всё самое лучшее кануло в пустоту, не оставив в памяти следа, будто не было ничего.

—Грустно говоришь, — вздохнул Семён.

—Я правду говорю.

—А моё детство шло иначе. Может, в моем понимании, иначе. Мне, наверное, приходилось отказывать себе ещё больше. Но, одна деталь — отказывал себе я сам, а не из-за обстоятельств. Так что, прожитой жизнью я доволен. Какая бы она ни была, она моя и прожил её я. О прошедшем не жалею — его уже нет, а о будущем... Его ещё нет. Хотя, может и не быть.

—Семен, в тебе есть что-то фатальное, — посмотрела на него Марина. — Да, да. Я уже столько с тобой, ты часто смерть упоминаешь. Тебе словно всё равно: здесь или там...

—Разве не всё равно?

—Меня умирать не тянет!

—Никто умирать не хочет, пока живёт хорошо.

«Лексус» притормозил у поворота с шоссе на просёлочную, и мягко скатился вниз, покачиваясь по ухабам между высокими соснами. Впереди виднелась небольшая поляна, заросшая травой и простенькими кустистыми цветами. Машина въехала на поляну и остановилась.

Семён отпустил тормоз и выключил зажигание.

—Приехали. Перерыв на обед, или завтрак, или ещё, как там называется... Выходим. Марина улыбнулась и открыла дверцу машины.

Семён потянулся, устало вздохнул. Сейчас он перекусит, взбодрится сексом и опять помчится по нудной дороге. Не вовремя он отпустил Артёма в отпуск, сейчас бы беззаботно ехал на заднем сидении, предаваясь ласкам.

Семён оглянулся на Марину. Та уже расстелила на траве покрывало и выкладывала из пакета съестные припасы: колбасу, булочки, свежие помидоры с зелёным луком, сыр, упаковки кефира. А интересная командировка получалась — и дело Семён сделал, и с красивой женщи-

ной завёл интрижку. Смущали его только постоянные мысли о Кате. Он уже додумался до того, что реально полюбил Катю – его чувства не симпатия и не страсть, а настоящая любовь! Она молодая, привлекательная, не чета заезженной жизнью Вере. Карьера Семёна шла в гору – бензиновая сделка первое тому подтверждение, в самый раз было занять симпатичную молодую жену.

Семён наткнулся взглядом на похотливые глаза Марины и ощерился – Катя не такая шальная, изменять ему не стала бы с первым встречным.

—О чём размышляешь? Присаживайся, закусывай, – указала на еду Марина.

Выйдя из машины, Семён прилёг рядом, опустив голову на упругое бедро Марины, и тут же ощутил животное желание. Как всё-таки возбуждала доступная и ещё не приевшаяся женщина!

Он взял большой спелый помидор, надкусил его. Сок алыми струйками побежал по подбородку.

—Такие помидоры надо есть с сахаром. Малиновка, – пояснила Марина, криво и дразняще усмехаясь. – Чувствуешь, они уже сластят, сами по себе. Сорт такой.

Семён пожал плечом.

—Помидор, как помидор.

—Не скажи. Дай-ка, – Марина взяла надкусанный плод и тоже откусила кусочек. – Ну, что ты врешь? Он сладкий. На, распробуй.

—Это ты у меня сладкая! – засмеялся Семён и силой притянул к себе лицо Марины, жадно поцеловал её в пухлые чувственные губы.

Марина лизнула языком его в нос и потянулась рукой к ширинке на его брюках. Семён ощутил боль – желание секса стало нестерпимым.

Он не стал мешать ей, наоборот, подвинулся ближе, и застонал, когда Марина принялась ласкать его ртом. Он не видел происходящего из-за её волос, от которых веяло сводящим с ума дурманом духов и тем запахом женщины, который отключает разум. Выдохнув воздух, чтобы снова не застонать, Семён расслабленно подsunул под голову кулак – как здорово!

Даже сейчас не верилось, что ему делала минет жена знаменитого Кривцова, а после отдастся и он будет пронзать её лоно в безудержном ритме и они сольются в едином блаженном порыве.

Но это случилось, и они довели друг друга в иступлении до полного изнеможения.

Вот это секс! С Верой у него таких ярких ощущений не было уже лет десять, а может и больше...

Когда всё кончилось, Семён почувствовал себя таким обессиленным, что засомневался, сможет ли вести машину...

* * * * *

В город они попали после полудня. Марина молча фыркнула, когда Семён заявил, что завтра найдёт её, подмигнула ему и вышла из машины. Он проводил её взглядом, дождался, когда она исчезла в подъезде, потом быстро помчал прочь.

На душе кипело, радостная мысль не давала покоя – у него роман! Не просто игра взглядами и недомолвками, как с Катей, а настоящая интрижка с красивой женщиной, и теперь он постарается, чтобы она стала его постоянной любовницей. В нём разгорался огонь страсти, слепой, животной. Он хотел обладать ею, но и добиваться Кати, чтобы кровь бурлила от переживаний и опасностей. Что делать с Верой, Семён не знал. Мысли о разрыве, всё-таки, не выглядели убедительными. Вера всегда была рядом. Могло такое случиться, что Кати он не добьётся, Вера уйдёт, а он останется один. Это его не устраивало.

Если Марина и начнёт встречаться с ним, мужа она всё равно не оставит, и Семёну она, как ни хороша, была не нужна – или Катя, или Вера.

Семён всё больше удивлялся укреплению уверенности в любви к Кате. А вдруг он всё-таки ошибался? Просто с Катей не получилось так быстро, как с Мариной и он почувствовал спортивный азарт, мужское стремление побеждать? Неужели, в конечном итоге, он разочаруется в своих новых чувствах и останется с Верой?

Семён испугался своей мысли, а поняв это, обрадовался – нет, мысли о разрыве с Верой правильны, в душе он всё давно решил, а сомнения родились из-за боязни, глупой и детской. Семен не поехал на работу, но и домой показаться, решимости не было. Снова представил лицо Веры, искаженное усталым раздражением. Но он позвонил. Трубку взял тесть. Что ему сказать? Послушал его требовательные: «Кто это? Почему молчите?», отключился. Хорошо, что домашний аппарат был без определителя номера.

Надо было где-то отдохнуть. Завернуть к Кате? Нет, нельзя.

Он позвонил домой Гоше – его сотовый не отвечал.

—Георгий Александрович на работе, – монотонным голосом ответила домработница. Какая официальность! Семён усмехнулся.

После нескольких звонков в разные места, вышел на Веронику – секретаршу мэра.

—Сёма? Да они со вчерашнего дня на Михайловых дачах. Петр Сергеевич там принимает. Там вся компания и Гоша с ними. Позвони им.

Семён набрал номер охраны Михайловских дач, там ему сказали внутренний номер администратора и, через какое-то время, администратор позвал к трубке Гошу.

—Гоша, я вернулся.

Гоша секунду молчал, что-то обдумывая.

—Что-то случилось?

—Нет, всё в порядке. Домой не хочу показываться.

—Ну, приезжай, что звонить-то, сразу бы и ехал сюда. Давай. Я хозяину сообщу, что у тебя дело на мази. Приезжай.

Семен отключился, посмотрел на свой сотовый телефон, потом радостно сжал его в кулаке – он уже был своим, если на Михайловские разрешалось наезжать просто так! Это говорило о многом.

Михайловские дачи – комплекс зданий для неформального общения на лоне природы сильных мира сего: это и гостиница с комнатами для гостей, общим залом-столовой, бильярдной, холлом, и баня у озера, домики охраны и обслуживающего персонала, футбольное поле.

В каждой областной столице имелись подобные «дачи» для высшего руководства. Михайловские дачи располагались в двадцати семи километрах от города, примыкая вплотную к детским летним лагерям отдыха, а вокруг простирался сосновый бор, и лежало пять озер – именно озера носили название Михайловских, от них оно перешло на элитную «малину». Когда большие люди сильно распоясывались, ходили слухи, что Пирогов – владелец комбината сборного железобетона, привозил для развлечения девочек-вожатых – лагерь, спонсируемый его комбинатом, располагался почти вплотную к комплексу.

Семён промчался по трассе до детских лагерей, потом свернул на ухабистый проселок – как ни странно, но к хозяйской даче дорога из асфальта проложена не была – Петр Сергеевич утверждал, что пока мучаешься на просёлке, уже начинаешь отдыхать – плохая дорога, это тоже часть природы.

«Лексус» замер у монументальных железных ворот. Из домика к нему побежал охранник, но, сразу узнав, махнул рукой, повернул обратно – ворота медленно открылись. Конечно, если бы Гоша не предупредил, его бы не пустили, хотя и знали в лицо. А может, что-то изменилось, и он не заметил, как стал почти своим в компании избранных.

Семён подъехал к кирпичному корпусу с большими окнами и широким крыльцом. Закрыв машину, быстро взбежал по ступенькам, вошел в прохладный холл. Он здесь бывал не раз вместе с Гошей, поэтому сейчас ориентировался свободно. Сразу пошёл в столовую – там всегда кто-нибудь сидел.

В просторном зале за столом сидели двое. Гоша был в рубашке и купальных плавках. Рядом с ним расположился жилистый субъект, лысоватый, с наглым взглядом – начальник рыбоохраны Кухаркин. Семён поздоровался с обоими за руку.

На столе, заставленном блюдами со снедью – салатами, икрой, зажаренным мясом, отварной курятиной, бутылками с водкой и коньяком, выделялось блюдо-поднос нагруженное громадными кусками разварной осетрины.

—Пируете? – кивнув на осетрину, спросил Семён. Как не приезжал сюда, здесь всегда пировали, всегда бесплатно, за счёт городского бюджета.

Кухаркин усмехнулся:

—Сегодня с моими архарами...

—Архаровцами, – поправил Семён. – Твои люди, они твои архаровцы. А архары – это горные козлы.

Кухаркин хохотнул:

—Какой грамотный! А они и есть козлы... Горные! Так вот, взяли мы двоих орликов, ещё по утреннему холодку. Делали показательный объезд по реке. Подплываем – спят. Перемётами перекрыли реку, нализились с ночи, дрыхнут. Стерляди много взяли, пару осетров, карыша.

Семён сел за стол, вытер рукой потную грудь.

—Задержал?

—Зачем? Рыбу конфисковали, отступное получил, отпустил. Не стал составлять акта. Зачем портить отчётность?!

—Добрый ты.

—Конечно, добрый, – вставил Гоша. – Осетрина на столе не переводится.

Кухаркин хитровато рассмеялся: «Хе, хе», но ничего не ответил.

Гоша налил себе и Кухаркину по стакану водки – на столе стояли и рюмки, но стаканы для тех, кто любил сразу и много, молча выпил светлую жидкость в несколько глотков, секунду сидел не дыша, потом подцепил вилкой ломтик помидора, закусил.

Кухаркин снова усмехнулся, стал тяжело пить, не отрываясь, выпил, сморщился, потом шумно задышал, сразу бросил в свою тарелку шмат осетрины, ел руками, между пальцев стекал янтарный жир.

—С женой поцапался? – хмуро спросил Гоша.

—Поцапался, – согласился Семён. Он налил себе рюмку коньяка, взял двумя пальцами дольку лимона, опустил её на язык, потом выпил коньяк.

—Петр Сергеевич доволен тобой. Он сегодня с Омском разговаривал. Говорят, умно дело делаешь.

—Стараюсь, – Семену не очень хотелось распространяться об Омской поездке.

В холле зашумели голоса. Вошли Петр Сергеевич, голый, в одних плавках, с полотенцем в руках и Пирогов, тоже в плавках, но без полотенца.

—Хороша водичка в озере, – заявил «хозяин», улыбаясь.

Сел рядом с Семёном, хлопнул по плечу.

—Бесцов приехал. Молодец. Сейчас генерал прикатит, в футбол играть будем, тебя на ворота к нему поставим, пару мячей нам пропустишь.

Он рассмеялся, зацепил вилкой кусок рыбы, бросил себе на тарелку (Пирогов разливал всем в рюмки водку), подмигнув Гоше, продолжал, глядя на Семёна:

—Силен наш начальник гарнизона. У него полковник, из городской комендатуры, Харитонов, вот здорово играет, паразит. Нам с Гошкой и Пироговым в прошлый раз навтыкали.

Пирогов поднял рюмку, взглянул на хозяина:

—За здоровье?

—Дай бог! – согласился тот.

Все выпили.

В столовую вошёл Кочнев – первый заместитель хозяина. Он был в легком трико.

—Где Курков? Обещал ещё с утра подъехать.

—Правиль остался! – рассмеялся своей шутке Петр Сергеевич. Его не дружно поддерживали остальные.

Семён ушел в свою комнату (её ему показал администратор), разделся, пошел под душ. Тёплая вода смывала пот, упругими струйками обвивала тело. Хорошо, что не поехал домой. Алкоголь притушил мысли о Вере. Он начал думать о том, как постарается понравиться хозяину – здесь все старались ему нравиться. Отменно лизали жопу, как выражался Гоша. Хозяин уже начал примеряться к нему – чувствовал, что Гошу всё больше скручивал недуг.

«Готовится в долгий путь», – усмехнулся про себя Семён. Интересно, как бы он сам жил, если бы так же медленно умирал, пожираемый болезнью? Глядя на Гошу нельзя было сказать, что он паниковал, пить вот стал больше, а так держался молодцом.

Вскоре приехал генерал-майор Гудков, начальник местного гарнизона, куда входили: бригада связи, полк ПВО, пара сапёрных и несколько отдельных танковых батальонов. У него было много прихвостней, но полковник Харитонов – комендант города, тот постоянно отдыхал с ним. Казалось со стороны, что Гудков ставил его выше многих старших командиров и держался накоротке.

Несмотря на заявление поставить Семёна в ворота к генералу, хозяин оставил его играть с собой, к Гудкову отправил Кухаркина и Гошу, а полковника забрал себе. Как не старались они, как не горячился Петр Сергеевич, генеральская шайка снова была на высоте.

—Да я с вами не хочу играть! – с наигранной обидой воскликнул Петр Сергеевич, когда счёт стал шесть-два в пользу генерала.

—Давайте в волейбол, – предложил Гоша.

—Точно, – согласился главный. – Вот в этом мы вас нагреем.

Семён играл в волейбол отвратительно, поэтому отказался, ушёл в комнату, валялся остаток дня, смотрел телевизор по кабельному вещанию – документальные фильмы о голливуде, о русских звёздах хоккея в НХЛ. Можно было поиграть на компьютере в какую-нибудь стрелялку или стратегию, но Семён не питал слабости к виртуальным забавам.

Вечером пошли в баню. Хозяин с Гошей и Пироговым остались играть в бильярд, а генерал с полковников, Семён и приехавший начфин Курков решили попариться, а потом голыми искупаться в озере. Взяли с собой водки, коньяку, фруктов, ледяное бутылочное пиво.

Генерал лежал на верхнем полке, в облаках пара. Нестерпимый жар обжигал кожу, проликал в горло, легкие. Семён хлестал его дубовым веником, вытирал с лица катившийся градом пот, ноги чесались. Было хорошо. Сзади его обдал холодной водой Харитонов. Семён вскрикнул. Генерал радостно рассмеялся. Курков отсиживался на нижнем полке, похлопывал себя по телу ладонями, посмеивался.

—Завтра с утра все на охоту. Ты, Семён, с хозяином будешь на номере, мы с Пашкой, – кивнул на полковника. – На подстраховке. В лесничестве уже всё приготовлено, ждут. Ох, как мы охотились в степи на волков с вертолёта... Хозяина звал, не хочет лететь. Говорит, с воздуха – не настоящая охота. А-а, не понимает он в этом ничего...

—Летом охотились? – спросил снизу Курков.

—Зимой. А раз в пургу попали. Да, – генерал сел, шумно вздохнул. Харитонов окатил его водой. Семён лег на место генерала, закрыл глаза и тут же почувствовал, как хлестко обожгла кожу листва веника – Гудков стал парить с потягом.

Минут пять в парной царила тишина.

—Павел, на, похлещи Семёна, руки устали.

Генерал медленно, неуклюже спустился с полок на пол, достал из ведра с холодной водой бутылку пива, открыл её зубами, стал жадно пить, блаженно отдуваясь. Полковник, с таким же потягом, продолжил мучить Семёна.

Гудков поставил недопитую бутылку обратно в ведро, потянулся.

—Искупаемся?

Дверь открыли, полыхнуло прохладой и свежестью. С гортанными криками и смехом помчались по траве к воде. В темноте сверкали белые ягодицы.

Семён рухнул в воду, поплыл. Блаженство.

Так бы жить, без забот и проблем, радоваться бытию.

Только так не будет...

* * * * *

После прямого и откровенного объяснения с Семёном, Катя словно взорвалась изнутри, поняв, что заинтересовалась этим странным мужчиной по-настоящему. И чем больше она размышляла над неожиданно нагрянувшим чувством, тем сильнее погружалась в него. Но это ещё была не любовь. Это была какая-то неосмысленная тяга,

стремление видеть его, говорить с ним, обладать им физически – жадно, страстно, похотливо, изливая накопившуюся в себе за долгие недели нервного напряжения, неуверенность и страх перед, пришедшим к ней новым положением разведенной женщины.

Панин первым заметил в ней перемену.

—Катя, ты стала другой.

—В чём я изменилась? – Катя с тоской отодвинула скоросшиватель с материалами очередного уголовного дела, улыбнулась Панину усталой покорной улыбкой.

—Огонек в тебе погас, Катюша, – Панин нагло уселся на её стол и стал качать ногой.

Катя секунду следила за его ногой в итальянском лаковом ботинке, потом пожала плечами.

—Какой может быть огонек, Петя? У меня пауза в жизни.

—А раньше говорила – личная жизнь кончается у стен управления.

—Это было раньше.

—Тогда заканчивай грустить, – Панин взглянул на циферблат своих наручных часов. – Есть дело, заодно и пообедаем там. Помнишь, я тебе рассказывал о моем одном знакомом старике, у него ещё книга есть старинная о конце света?

—Что тебе от него нужно? Всё-таки собрался обмануть бедного старичка? – грустно произнесла Катя.

—Ну, тебя. Ты даже шутишь с кислой миной на лице. Поехали. Ничего не буду объяснять, сама увидишь.

Так как выезд был не на убийство, то дежурную машину получить не удалось (в управлении боролись с излишней расточительностью) и поехали на автобусе, заплатив свои кровные.

—Панин, я убью тебя. Какое у тебя дело? Нельзя было съездить без меня?

—Не жадничай. И, вообще, ты с начальством как разговариваешь? Таким тоном с начальством говорить не полагается.

Сделав выговор, всю дорогу Панин молчал.

Вышли они на конечной остановке. Катя была в этом тихом районе впервые. Вот тебе и коренная горожанка! От площади бетонная дорожка вела через парк к небольшому уютному микрорайону ещё хрущевской постройки из двух пятиэтажек и двух четырехэтажек.

— Хорошо здесь, – заметила Катя.

—Тут старикам жить хорошо.

—Почему?

—Слишком спокойно.

Они миновали спортивную площадку и оказались у четырехэтажного двухподъездного дома.

—Пришли.

—Бедный старик, – хмыкнула Катя. – Тебе обязательно, чтобы я присутствовала при грабеже?

—Молчи. Надеюсь, при старике хватит ума так не шутить?

Катя подняла руки.

—Молчу.

Её веселость не вызвала у Панина ответной улыбки. Успокаивая его, Катя убрала с него несколько пушинок, потом крепко хлопнула ладонью по груди.

—Действуй, бандит.

Они вошли в узкий подъезд, поднялись на третий этаж. Катя посмотрела на номер квартиры – двенадцать. Панин уверенно толкнул дверь. Она оказалась не запертой. Это Катю поразило. Неужели никого не боятся в наше непростое время?!

—Кто там? – хмуро спросили из тёмной прихожей.

—Это мы, дядя Ваня.

—А, Петька. Проходи. Жду. А это кто с тобой? – навстречу вышел бодрый старик с хитрым бандитским лицом, даже седая солидная борода лопатой не придавала ему благообразия. – Здравия желаем.

—Здравствуйте, – Катя даже растерялась.

—Свои люди. Знакомься, дядя Ваня, Катя Карышева, мой помощник. Тоже следователь.

—Милиционер. Э-э, полиция... Очень приятно. Ну, проходите, садитесь. Обедать будем.

Катя вошла в узкий зал, увидела сидящего на диване перед телевизором молодого парня и смутилась ещё больше. Парень тоже смутился, скупно поздоровавшись, замер.

—Мой внук Андрей, – пояснил старик.

Панин поздоровался с парнем за руку.

—Привет, Андрюха, – оглянувшись на деда, спросил. – Так что за дело, дядя Ваня?

—Сейчас.

Старик вытащил из шкафа большущий свёрток, положил его на кровать, развязал. Глазам предстала пухлая старинная книга в кожаном переплёте.

—«Судьба»? – глаза Панина вспыхнули алчным азартом, он оглянулся на Катю. – Смотри, Катюха, вот подлинная реликвия.

Старик самодовольно хмыкнул – реакция Панина пришлась ему по душе. Он бережно открыл книгу, стал медленно перелистывать – пергаментные листы были испещрены рукописной старославянской вязью. Катя подошла ближе. От книги шел волнующий аромат древней русскости. Кровь в венах побежала быстрее, сердце замерло в какой-то слабительной истоме. Катя впервые испытала нечто такое, что принято именовать коротким словом «трепет».

—А!? – Панин улыбался и весь светился самодовольством, словно книга уже принадлежала ему. – Дядя Ваня, как, читал уже о конце света? Когда помирать будем?

—Не читал.

—А что так? Это же самое важное.

—Не всё так просто.

—Ты же говорил, в ней прописано всё открытым текстом. Когда небеса на нас рухнут, где спастись можно будет.

—Так и написано, только каждый, кто читает её, сам находит в ней своё предсказание.

—Тебе одно предсказывается, а мне другое?

—Вроде того.

— Не понятно.

— Когда начинаешь читать, тогда становится всё ясным.

— А спасти всё человечество?

— Это книга – спасение для избранных.

— Кто определяет, кто избранный, а кто отверженный?

— Книга сама находит избранных. Кому удастся её почитать, тот узнает, как спастись, а дальше...

Катя со скепсисом слушала разговор Панина с хитрым дедом. Что-то мудрено пояснял старик. Как она и предупреждала Панина – книга состоит из загадок. Вон, Нострадамус загадывал столько, что веками бьются в его катренах...

— Дядя Ваня, тебе задание – срочно прочитать книгу и сказать, когда заказывать билеты. У меня загранпаспорт всегда при себе.

— Петя, дело не шуточное. Можешь верить, можешь не верить, а всё прописанное здесь несколько веков назад, сбылось и сбудется. Это предупреждение всем нам. Божественное откровение.

— Я верю, дядя Ваня. Так зачем позвал, если ещё ничего не вычитал из неё?

— Просьба у меня к тебе, Петюня, – серьёзным тоном произнёс старик. – Схоронить надо книгу. Боюсь, украдут. Охотятся за ней.

Катя поразилась просьбе деда, перевела взгляд на Панина. Тот был потрясен не меньше. Он даже побледнел, потом мотнул головой.

— Я понимаю этих охотников. «Судьба» – бесценная книга. Важней её нет во всем мире. Но, дядя Ваня, я скажу нет. Такой ответственности на себя я не возьму. Нет. Она наиглавнейшая реликвия.

— В том-то и дело. А ты в полиции следователь, сам мне говорил – квартира на сигнализации. К тебе мазурики не полезут.

— За книгой этой, дядя Ваня, не мазурики охотятся. Другие люди.

— Знаю. Потому боюсь – не уберегу.

— И я от них не защита, – вздохнул Панин. – Ты бы, раз так боишься её утратить, прочитал её скорее.

— Вот, пока хранил, сам бы прочитал.

— Я не силен в старорусском.

— Я бы к тебе приходил. Вместе бы разобрали предсказания.

— Нет. Не проси, – Панин даже отвернулся, чтобы не видеть глаз дяди Вани.

— Что ж, жаль. Ладно, придётся другое место поискать, – старик выглядел явно расстроенным, закрыл книгу, хотел вновь её завязать шерстяным платком, но Панин удержал:

— Дай ещё полюбоваться, дядя Ваня.

— Смотри.

— Как думаешь, неужели вправду придёт конец света?

— Придёт. Не первый раз мир людей погибает, погибнет и наш. А ты, дочка, пойдем на кухню. Поможешь на стол собрать, – старик взял Катю за локоть и повел в маленькую тесную кухню.

— Подожди, дед. Я сам, – вскочил с дивана Андрей.

Катя, непонятно почему, снова смутилась. Что-то часто она смущается при виде симпатичных мужчин. Хотя этот слишком молод для неё.

— Я вам помогу, – сказала она.

— Хорошо, – просто отозвался Андрей. – Вы нарежете колбасу, а я лук. Быстренько зажарим колбасную яичницу. Вы едите колбасную яичницу?

— Судя по названию, аппетитная вещь, – улыбнулась Катя.

Андрей вытащил из холодильника батон сыроваренной колбасы, десяток яиц, несколько спелых помидоров, улыбнулся, тоже спокойно и как-то уверенно.

— Это правда, что вы следователь?

— Не похожа?

— Нет. Вы такая очаровательная, такая хрупкая.

Катя смутилась и почувствовала, что её щеки начали наливаться румянцем — ну вот, нарвалась на комплимент молодого джентльмена.

— Эй, Андрюша, не смущай моего сотрудника! — крикнул из зала Панин. — Я всё отсюда слышу!

Андрей рассмеялся.

— Всё успевает. Прямо, как Машенька из сказки: «Высоко сижу, далеко гляжу! Не садись на пенёк! Не ешь пирожок!».

Катя рассмеялась.

Ничего, вроде, этот Андрей — себе на уме. И, подтверждая её мысли, Андрей, кромсая ножом помидоры, ей заговорщицки подмигнул.

* * * * *

Когда следователи ушли, Андрей стал названивать своей пассии Лидочке. Он приехал из Бийска только вчера, ещё не видел её. Они вместе учились в институте, как-то сразу друг другу понравились, но что-то у них вечно не клеилось — дальше поцелуев дело не шло. Спокойная красота Кати вдруг взбудоражила его, и Андрей понял, что если ему удастся зазвать Лидочку на дачу, то он обязательно добьётся своего.

Коротко переговорив с ней о пустяках, он назначил ей свидание на завтра и, со спокойным сердцем, опустил трубку на домашний аппарат (на сотовом, как всегда, был отрицательный баланс). Кого бы он с удовольствием обработал, так эту следовательницу с мерцающим взглядом. Катя Карышева. Катя. Красивое имя. А Панин как взволновался, когда он стал легонько флиртовать с ней! Наверное, дерёт её в обеденные перерывы. Укладывает спиной на свой желтый конторский стол, расстегивает блузку, начинает лапать руками её груди. Какие они? Средненькие, спелые. Потом он задирает её юбку к животу, обнажая бёдра. А под юбкой нет трусиков. Она ждёт, снедаемая желанием, её сухие губы просят поцелуя.

— А вот и мы! Здравствуйте!

Андрей тряхнул головой, сбрасывая наваждения. Даже сердце разболелось от столь яркой картины.

В прихожей снимали обувь Ксения и Артём. Явились, только их здесь не хватало!

— Где бабуля? — спросила Ксения, проходя в зал.

— Сейчас придёт. У соседей, — хмуро отозвался Андрей. В Бийске до чёртиков надоели, ещё и сюда припёрлись.

Вчера они не стали заезжать к старикам, высадили Андрея у магазина, а сами напрямую помчались домой. Сегодня, видимо, совесть всё-таки им подсказала сделать визит.

Тёма невнимательно пожал руку Андрею, пошёл на кухню, выгружая на стол из пакета водку, овощи, копчёные кости, селёдку, сыр, зажаренную на гриле курятину, усмехаясь, спросил деда:

— Ну, как книга, в целостности доставили?

Дед не отозвался, а, выйдя в зал, гневно сверкнул на Андрея глазами. Андрей отвернулся — ну его с этой книгой! Как он мог не сказать Тёме, зачем в Бийск ездил?!

Пришла бабуля, тут же с Ксенией они принялись на скорую руку готовить на стол, говорили о пустяках.

За обедом дед расспрашивал Тёму про дядю Костю, хвалился, как рыбачил на Бие вместе со Степаном.

—Таких рыбчин ловили! Лещ. А жирная, – он умильно прищурился. – Навялили его. Да-а. Мне тоже надо в гости к ним съездить, в лес сходить, порыбачить. В храме у них помолиться.

Ксения налила в рюмки – Андрей и бабуля не пили (он не хотел, она – не могла), остальные молча стукнулись, выпили, быстро заедали салатом, картошкой жареной, вареными копченными костями.

—У меня дорога бесплатная, могу кататься! – продолжал хвастаться дед.

—Вы с дядей Костей переругаетесь, – заметил Андрей.

—У него вера не правильная. Вбил себе в голову ересь.

—Дед, не начинай, – остановил его Тёма.

—Что вы понимаете?! – начал злиться дед. Он не любил, когда его божественные откровения прерывались.

—Никуда не поедешь, – строгим голосом сказала бабуля. – И пить хватит. За дачей кто следить будет?

—Мотор есть, Андрей полъёт, – не сдавался дед. На улице и в квартире стояла давящая духота. От пары рюмок он сильно опьянел.

Не понимая этого, бабуля продолжала его убеждать, словно он говорил не от пьяного прилива восторженных чувств, а реально принял решение ехать в гости:

—Зачем поедешь? Людям надоедать? Степа, Саша работают, им некогда с тобой возиться. Костя тоже! – наседали бабуля.

Андрей ухмыльнулся, ел, не вступая в спор. Сейчас начнётся свистопляска. Дед, под градусом, быстро раздражался, был въедливым и долго не мог успокоиться.

И точно. Дед привстал, зло дыша, от водки раскраснелся. Хотел по столу кулаком стукнуть – пьяный, он всегда кулаком стучал, но при Тёме не решился, погрозил бабуле пальцем:

—Григорьевна!

—Ладно! – оттолкнула его руку бабуля. – Думаешь, боюсь тебя?

Посмотрев на её сурово сжатые губы, дед рассмеялся. Бабуля была сухонькая, маленькая.

—Ладно, всё, – неожиданно успокоился.

После обеда, дед с Тёмой уселись на балконе с пивом и сырыми копчёными костями. Андрей примостился рядом. Слушал их разговор, грыз рёбрышко. Скучно, жарко.

—Дед, я с тобой сегодня на дачу поеду.

—Поехали. В бане попаришься.

—В баню не пойду. Не люблю.

—Как хочешь, – согласился дед.

Они уехали под вечер. Дед ещё раз успел поругаться с бабулей, хотел на дачу ехать на машине, но Ксения и бабуля не дали.

—Пьяный, езжай на автобусе. Сам разобьёшься – ничего, а кого собьёшь, людям горе!

Довод на деда подействовал и он, предварительно купив бутылку самопала у соседки, поехал с Андреем на автобусе.

Бабуля пыталась отговорить Андрея:

—Что туда поедешь? Оставайся дома. Дед напьётся опять.

—Поеду, – решил Андрей. – Присмотрю за ним.

Конечно, он поехал не из-за деда – из-за Лидки. Сегодня он переночует, а завтра встретит её на остановке и, дай бог, всё сложится, как мечталось.

Утром он ходил рыбачить. Встал рано, но клёва не было – поймал пару окуньков и три пескаря. Весь улов. Раньше, когда был мальчишкой, ловил на том же месте по многу – килограмм, два, а то и три. Изменилась река. Всё поменялось!

Лидка приехала, как договаривались. Не видел её почти месяц. Пополнела, грудь налилась, словно две дыньки. Почему-то показалась ему хуже, чем была раньше. Неловко чмокнул её в щеку.

—Скромный, – усмехнулась Лидка. Она ожидала жаркого поцелуя в засос и медвежьих объятий, выражающих немыслимую радость по поводу встречи. Быстро окинув взглядом «возлюбленного», нашла его каким-то «замороженным», погруженным в себя.

—Позагораем или пойдём на дачу? – Андрей нелепо улыбнулся.

Вопрос Андрея показался Лидке не просто дурацким, а каким-то вызывающим, совершенно идиотским, после их прежних отношений.

—Сначала на реку, – сделав независимый и холодный вид, она пошла вперёд. Походка уверенная, чуть вызывающая.

Андрей уныло поплёлся следом. Сейчас вдруг понял, что за месяц отвык от неё, даже скорее разлюбил, если любил когда-нибудь. Вчерашнее желание овладеть ей показалось нелепостью. Как мог он такую желать?!

Они лежали на гальке. Он гладил её живот, молча смотрел в небо. Мысли в голове вились пушистыми заворотами. Скоро он закончит институт. А дальше? Сидеть на шее стариков уже претило – это во-первых, а во-вторых, пора ему было стать им опорой. Они его подняли, вырастили, воспитали, сделали целостной личностью, дали высшее образование. Пора было крепко встать на ноги и помогать близким. Сколько осталось деду и бабуле? Не много.

Раньше он думал, что пойдёт в чиновники, с годами выслужится. Но теперь настроение изменилось. Теперь хотелось просто денег, дурных и легких. Глядя на других, думал, что такое позволено каждому, просто надо задницу от дивана приподнять и немного подсутиться.

Лидка кривила тонкие губы.

—Скучно с тобой, Дрюник.

Андрея аж передёрнуло – ужасно не любил, когда она его так называла. Она уверяла, что это звучит очень ласково: «Дрюник!», но Андрей всегда бесился, и она это знала. Сейчас специально так его назвала, чтобы позлить. Ладно! Андрей решил включиться в игру.

—Со мной скучно, а с другими весело?

—С кем мне весело? У меня никого нет.

—Мама, папа нет? – юродствовал Андрей.

—Я говорю про мужчин. Про других мужчин, кроме тебя.

—Заведи, – Андрей убрал руку с её живота и, удивляясь самому себе, немедленно ухватился на тугой холмик груди и немедленно сжал его.

—Прекрати, – осипшим голосом отозвалась Лидка.

Он сжал грудь сильнее.

Она вскрикнула, сбросила его руку.

—Дурак! Больно же! И, вообще, руки кто позволил распускать?

—Пойдем на дачу, соку попьем, – предложил Андрей. И захрипел вожделенно. – Ещё вино есть, ну, домашнее... как бы бражка, но, как бы вино...

—Знаю тебя – приставай начнешь! – капризно дую губки, дразнясь и улыбаясь, Лидка сбросила руки Андрея с груди и даже чуть лягнулась.

—А для чего ты приехала?! Чтобы я приставал!

—Не воображай, – отмахнулась Лидка и тут же, показывая полную потерю интереса, наиграно задремала.

—Не спи! – толкнул её Андрей.

—Сплю, – сквозь сжатые губы отозвалась Лидка. – Не трогай меня!

Андрей, расслабленно опустившись на гальку, закрыл глаза. Мозг тут же отпустил мысли о Лидке и принялся за глубинные размышления, которые терзали его постоянно. Сейчас молодость, потом зрелость.

Ныне его молодость пропадала бесповоротно – он ничего не делал, проживал дни в бессмысленных занятиях, скучно транжиря бесценное время. Например, как сейчас. Уже было понятно, что план с физической близостью потерпел поражение. В чём же тогда дело? Какой смысл был сейчас вылёживаться, не понятно что? А время летело быстрее птицы! И так во всём! Вставал вопрос: что же делать? Как изменить свою жизнь? Как?

—Лидок, давай я тобой овладею? – голос Андрея прозвучал очень скучно и обыденно.

—С ума сошел, – не открывая глаз, без эмоций, выговорила она. Выдержав паузу, словно размышляла о чём-то (Андрей знал, что Лидку солнечная процедура разогрела настолько, что шевелить языком в горячей неге ей было тяжело и поэтому она «тормозила»), она выдавила из себя. – Ни за что.

Совершенно без эмоций. Но такой отказ за реальный принять было не возможно, потому Андрей настаивал:

—Не торопись с ответом. Нам было бы очень хорошо!

Лицо Лидки, с закрытыми глазами, устремлённое к солнцу, походило на пластмассовую маску. Она ответила только губами:

—Сама разберусь. И я не уверена, что будет хорошо.

—Язвишь? – Андрей не обижался её отказу. Сейчас больше всего, поразило бы её согласие! Уговаривая, он уже совершенно не хотел с ней близости, но, как мужчина, считал, что домогательства, пусть обречённые на неудачу, поднимали курс его акций. Не в её глазах, в его собственных!

Лидка делала вид, что его приставания её не касаются. Отвечала почти шепотом:

—Хорошо вот так лежать на берегу. Спокойствие. Нега.

На дачу они пришли после обеда. Деда не было – где-то пьянствовал.

Андрей оставил ему записку, что поехал домой. Глупо было оставаться, если любимая женщина, вдруг, оказалась не любимой и физической близости, такой вожделенной, не предвиделось!

Выпив чаю, вскипяченного на уличной печке на вишнёвых полешках, да заваренного, помимо сухого чая ещё листьями земляники и малины, они, всё-таки не нашли возможным вернуться к прежнему. Тёплое и вкусное чаепитие вышло холодным. Отчуждение испортило настроение и Андрею, и Лидочке.

Замкнув домик и спрятав ключ под кирпич у порога, они покинули место, ещё вчера так много обещавшего им!

Они шли по трассе к автобусной остановке. Изредка мимо проносились машины. Говорить было не о чем. Лидка срывала ковыль, мяла, выбрасывала, оглядываясь на Андрея, виновато улыбалась, но у него сожаления о неудаче не было. Он думал, что случись «удача», вот тогда бы он очень жалел. А сейчас... Он вольный ветер и есть человек, о котором он уже начал думать «серьёзно» и, вот это «серьёзно», теперь для него самое главное!

Глядя на Лидку, он испытывал теперь только раздражение по отношению к предмету своей симпатии, даже хотелось её подколоть, что он и сделал не задумываясь:

—Перестань поганить природу!

Лидка оглянулась, улыбаясь приветливо.

Может, всё-таки, следовало перейти с ней на близкие отношения? Сейчас показалось, что, если бы он «поднажал», всё бы получилось. Но.. Но как бы всё было потом? Эти бесконечные «Но!»! Нет, раз он уже всё решил про себя о своей «политике» по отношению к женщинам...

Мимо, в сторону дач, промчался «Лексус».

Лидка с интересом посмотрела ему в след.

—Интересно, что эта выдра делает в машине солидного бизнесмена? Ха-ха! Вот это новость! У нас все девчонки на уши встанут!

Ощущая восторг, Лидка развернулась к Андрею и, схватив его обеими руками за плечи, немножко встряхнула в порыве любовного чувства. Если Андрей сомневался в своей любви, то Лидка – нисколько. Ей, на данном этапе (как она любила выражаться) всё было понятно. Ступешавшись и отпустив «возлюбленного», она заявила:

—Я такое увидела!

—Что стряслось? – не понял Андрей её внезапного возбуждения.

Радостно просияв, Лидка погладила ладонью Андрея по волосам, словно маленького, и пояснила:

—Маринка. Моя соседка. У неё муж профессор Кривцов, наше медицинское светило. Старый пижон. У них сын есть.

Не зная почему, он предложил:

—Вернёмся и покувыркаемся?

Лидка вдруг обиделась, отвернулась и пошла вперёд:

—Не паясничай. Когда были в домике, тогда и надо было настаивать!

Выдержав паузу, Андрей произнёс:

—Ты не хотела!

Лидка обернулась. В её глазах читалась ирония:

—А ты хотел?

Придя на остановку (прикрученная табличка с буквой «А» на высоченном тополе), Андрей, испытывая желание разрешить всё добром, заговорил, как ни в чём ни бывало:

—Твоя знакомая поехала на дачу за тем, что у нас не срослось!

Но Лидка продолжала дуть губы:

—Отвяжись, не хочу на эту тему говорить.

На остановке никого не было. Больше они не разговаривали, хотя и улыбались друг другу – Андрей дурачился, хватался за ветки тополей, пытался кататься на них, а Лидочка смеялась. Со стороны казалось, что это самые счастливые и любящие друг друга молодые люди.

Автобус пришёл через пятнадцать минут.

До города они ехали молча.

* * * * *

Семён на днях помирился с Верой. Не хотелось, но тесть принудил.

Когда Семён приехал, после начальственной охоты, привёз домой браконьерски добытую ляжку косули, шлёпнул её на стол, тесть опустил ему руку на плечо, нажал, усаживая на табуретку. Распаренный, Семён хотел больше всего умыться и снять рубаху, но тесть прикрыл кухонную дверь – Вера была в зале.

—Знаю, что нет порядка у вас с Веркой. Не хочу мешаться, но раз здесь, скажу тебе, Сёма, ты уступи ей. Весь скандал от твоего нежелания уделять жене положенного внимания. Только не ссылайся на работу – работа существует для того, чтобы создавать приемлемые условия жизни для семьи. А у тебя получается наоборот.

—Не в этом дело, – скривился Семён. Ещё с отцом Веры разбирать своё грязное бельё! – Петр Арсеньевич, дело не в работе, а в нас с Верой.

Тот закивал головой, глядя в пол. Подняв голову, сказал:

—У вас кризис отношений. Ты думаешь, что Верка уже не интересная.

Семёна передёрнуло. Он ни разу не говорил с тестем по-мужски откровенно. Тот снова смотрел в пол, не видел его нежелания разговаривать.

—У нас такая же катавасия с супругой была. Думал – всё, конец семье. По бабам бегал – Верка помнит. Только, когда бульон кипит, накипь выбрасывают, а навар получается от долгого кипения. Может, говорю не понятно, но говорю, как чувствую! Жена всегда со мной

была, и со временем, всё встало на свои места. Добрее надо быть. Верка, она как собака верная. Уверен, никогда тебя не подведёт.

Семён молчал.

—Я не правильно рассуждаю? – спросил тесть.

Семён посмотрел на пахнущую прелыми листьями и свежей кровью, покрытую шерстью косулью ногу. Всё верно. Может, у него такой же кризис? Побалуются с ним бабёнки, и выбросят, как выжатый лимон. С Верой надежнее. На словах, вот только жизнь длинная и не интересная.

—Пока не подводила, – сказал Семён.

—Поговорил бы с ней. Она мается сколько дней. Я отец, я за неё, я на её стороне, но тебя, как мужчина, понимаю. Работа, нервы, а напрасно рвать семью не умно. У тебя что, есть кто?

Семён секунду думал, потом покачал головой:

—Не в женщинах дело.

—И я вижу, что с жиру беситесь, доказать друг другу что-то желаете.

Семён поставил на стол привезённый пакет с продуктами, вытащил бутылку водки – покупал, видимо, чувствуя, что дома всё устроится миром и вечером они будут вместе, сорвал пробку. Тесть достал из настенного шкафчика стограммовые стаканы. Они выпили по стакану, не закусывая. Водка была тёплая, не лезла. Семён поперхнулся, вытер рот рукой.

—Ты как думаешь? – настойчиво посмотрел ему в глаза тесть.

Семён покачал головой:

—Всё будет нормально...

Уже за ужином, когда они сидели в зале за накрытым столом, разговаривая, шутя, пересмеиваясь, Семён наблюдал за Верой. Она сегодня была красива. К ней потянуло. Он давно не чувствовал к ней влечения. Не видел долго? Раньше часто случалось подолгу не видаться.

Не в том дело. Много нервности было в последнее время.

Он вдруг подумал, что в его частые отсутствия она изменяла ему! В груди сжало, но тут же отпустило: «Глупости».

Вечером, помогая мыть посуду, глядя на спину Веры, стоявшей у раковины, Семён вспоминал Катю, Марину, сравнивал их с женой. Как же жить? Вот кобелина!

Он усмехнулся своим мыслям, подошёл к ней вплотную, опустил руки на её бёдра. Она замерла. Он прижался и поцеловал её шею. И тут же почувствовал возбуждение. Его настроение передалось ей. Она резко обернулась. В её глазах горел испуг. Это раздражило Семёна. Может, всё-таки, у неё кто-то был? А что, очень может быть – вон она какая спелая! Он растегнул её халат, стянул бюстгалтер, обнажая крупные груди с торчащими от возбуждения сосками. Вот они, какие твёрдые. Он мял их пальцами, и она тут же впилась ему в губы. Как изголодалась! А может, также хотела того, другого, которого, конечно же, не было. Но Семён представил, как чужой незнакомый парень, молодой и мускулистый, поцеловав её жадно в губы, вдруг отпрянул от неё и, нажав ей на плечи, опустил Веру вниз и прижал её лицо к ... Семён инстинктивно сделал то же самое и очнулся от обжигающего наслаждения. Как здорово! Давно у них не было таких экспериментов.

Его возбуждение нарастало, и он потянул её кверху, и Вера снова впилась поцелуем в его губы, наполнив рот новым вкусом. Она хотела его. Он тут же уложил её на пол и стал жадно овладевать ею. Вера тихо постанывала, закрыв глаза, а Семён видел, как с ней занимается сексом тот, чужой и от этого хотел её ещё больше. И они опять сошлись в бешеном ритме.

Они были на кухне почти до утра. Это было впервые на кухне...

А утром он сидел в своём кабинете и думал о Марине. Все решения он отложил на потом. Пусть будут Вера, Марина, пусть живёт своей жизнью Катя, к которой его тянуло и, которую он не хотел пока тревожить – жизнь сама расставит всё по своим местам. Он, Семён, будет играть в рулетку жизни. Может быть повезет...

Машина мчалась в сторону дач. У Семёна была дача за посёлком Бобровка – даче лет двадцать, купил недавно, правда, следил плохо, поливал раз в неделю, однако, старые деревья в поливе сильно не нуждались. Он взял с собой Марину. Один раз они встречались днём у неё дома, но Марина дальше так поступать отказалась, да и Семён не хотел рисковать. С Мариной было интересно, но он понимал, что она ненадолго. Он не знал, для чего затеял роман, ведь мог и не приезжать к ней после первого раза, а вот поехал. Марина тоже не объясняла ему своего поведения. Только раз сказала, что изменяет мужу из желания почувствовать себя независимой.

Странные у него отношения складывались с женщинами, даже иногда страшно становилось.

«Может, старею? Стараюсь доказать себе, что ещё молод?», – рассуждал Семён, поглаживая рукой коленку Марины и одновременно управляя автомобилем.

Марина смотрела в окно. Когда Семён чересчур сильно сжал рукой её ногу, она скривилась, сбросила его руку.

—Ненавижу, когда в машине начинают лапать!

—Марина, ты что? – обеспокоено посмотрел на неё Семён. Вид у неё был нервный, она внутренне что-то переживала и переживания не могла удержать в себе, но Семён не хотел, чтобы она связывала его своими заботами – он не мог быть с ней серьезным.

«Она отдых. Необходимая отдушина», – думал он.

В машине повисла напряженная тишина.

—Не надо было ехать, да ? – снова спросил Семён.

Марина пожала плечами.

—Что бы это изменило – сегодня-завтра?

—Почему ты щеришься, как кошка? Думаешь, у меня всё легко, совсем нет проблем? Я тоже могу показать своё плохое настроение.

—Если ты начнёшь ворчать, то лучше, действительно, вернуться.

Семён мгновение смотрел на неё. Хотелось разозлиться, но передумал. Раз есть свободное время, и он решил отдохнуть, значит незачем портить своего хорошего настроения. Ему, действительно, не нужны были выяснения отношений.

—Просто, ты дерганная в последнее время, – сказал он.

Марина смотрела перед собой, обдумывая что-то, потом выразительно

взглянула на Семёна. В её глазах виделась усталость. Семён подумал, что она устала обманывать (нет, не мужа), себя, в первую очередь. Всё время она гналась за чем-то, не зная, чего желала добиться. Наверное, в её голове упорно билась в стенки мозга мысль, что она поступила очень опрометчиво, связав себя глупыми отношениями с популярным в городе мужчиной. Она желала беспрекословного почитания, а её любовник оказался таким же востребованным, как она и её не воспринимал великой личностью, потому что таковой считал себя. Были ровные отношения равных – выдающегося мужчины и великолепной, независимой женщины. Всё было здорово, но, подсознательно, эго Марины требовало полного преклонения. Старик Кривцов, в первый год супружеской жизни, пытался следовать культу преклонения – подавал Марине завтрак в постель (она ругалась: какая еда, если зубы не чищены?!), жадно целовал и лизал, иступлённо восклицая: «Сладкая роза любви! Изумительный бутон!». Она торопила мужа – быстрее вставляй, дурень! Её всегда волновал вопрос: зачем кривляться, если они уже супруги? Но сейчас ей не хватало прежнего преклонения. Муж охладел, перенёс весь свой интерес на научную деятельность, а Семён, после рыцарских выходов в омской командировке, дома резко стал практичным и перевёл отношения в обыкновенную бытовуху – созвонились, сблизилась в каком-то уютном номере для свиданий и разбежались. Зачем ей нужны были такие отношения? Она мечтала о любви, такой любви, которая перекрыла бы всё, своей сла-

достью отодвинула бы в пустоту тяжесть реальности, все невзгоды и неприятности обыденного существования.

Сразу после замужества, она начала изменять мужу с парнем из соседней пятиэтажки. Звали его Сергей, был он совсем молод и сейчас служил в армии и, если бы, не подвернулся Семён, она нашла бы другого поклонника. Только вот зачем ей эти похождения, она не знала.

Иногда верила, что ей не нужно ничего, есть ведь семья, определённое положение и достаток, но потом вновь проявлялась фальшь, пропитавшая её жизнь, и ей становилось обидно, а ещё в ней просыпалось зло к мужу и другим мужчинам, хотелось делать им больно, только боль приходилась в основном на её долю.

Машина свернула с трассы на просёлок и покатила по ухабам в сторону реки. Дача Семёна находилась почти у воды. Семён гордился, что купил дачу именно на берегу.

Марина вышла из машины. Было душно. Солнце тускло светило сквозь дымку облаков. Заросли черешни, раскидистые деревья слив и кусты, уже отцветшей сирени, создавали иллюзию не ухоженности, диких зарослей.

—Красиво? – сощурился Семён.

Марина пожала плечами.

—Эту красоту создал не ты.

—Боженька.

—Люди, которые вырастили всю эту зелень. Ты купил готовенькое.

Семен улыбнулся. Марина продолжала язвить. Он чувствовал, что настроение ей сегодня придётся упорно поднимать, иначе отдых окажется неудачен и вожаденного расслабления не получится.

—Я не виноват, что дачу продали мне. Другой бы купил. А тут так хорошо! Река.

—Я о другом. Ты всегда стремишься на готовенькое, на дармовщинку.

—Я денег даром не получаю! – посуровел Семён. Было совершенно не понятно, чего добивается от него Марина. К чему эти необоснованные наскоки?

Марина на его суровость махнула рукой, пошла к домику.

—Знаю я вашу кухню.

Семён остался у машины. Не смотря на желание побыстрее раздеться до плавок, он переборол себя, стал протирать стёкла. Марина появилась из домика уже в купальнике, подошла вплотную к Семёну, погладила его по волосам, провела ладонью по щеке, неожиданно быстро и сильно поцеловала.

—Бросай тряпку. Снимай брюки, и пойдём купаться.

Семён вздохнул. Он уловил происшедшую в ней перемену.

—Я очень рад, – сказал он просто.

—Чему? – усмехнулась Марина.

—Что ты смогла на время отбросить свои проблемы и не пытаешься втянуть в них меня.

Марина громко вздохнула, улыбнулась, не разжимая губ.

—Ты моя главная проблема.

* * * * *

Утром Катя увидела в коридоре управления того странного старика с бандитским лицом. Она выходила из туалета и заметила его фигуру у кабинета Панина. Видимо, пришел убеждать Петю всё-таки «унять гордыню» и согласиться взять ценную книгу на хранение. Если уговорит – пиши, пропало! Панин окончательно забросит работу, переключившись на толкование пророчества о надвигающейся катастрофе. И будет ему не сладко – держать у себя дома бесценную реликвию, листать, читать и знать, что она не твоя. А книга, видимо, реально стоит очень и очень дорого. Ясно, почему Панин отказался тогда забрать книгу на хранение – не могуше-

ственных воров он боялся, себя он боялся. Не сможет он перебороть величайший соблазн, поддастся ему, и сгубить навсегда свою светлую душу. Не верила Катя в Петькину любовь к старинным книгам. Просто его фолианты не были достаточно редкими экземплярами и не стоили таких денег, как у дяди Вани. А вот взяв книгу дяди Вани за основу и, присовокупив к ней Панинское собрание, продать всё единым кушем, коллекцией, можно было бы очень и очень выгодно!

Катя пошла в кабинет Панина – захотелось полюбопытствовать, как он будет отбиваться от соблазна. Представились черти с трезубцами, которыми они потыкивали Панина, а тот ойкал и чесался, изнемогая от желания заполучить заветную «Судьбу».

Панин сидел за своим столом, постукивал огрызком простого карандаша о желтую пыльную поверхность крышки и растеряно смотрел в чистый белый лист. Дядя Ваня незряче оглянулся на вошедшую Катю, и Катя увидела, что старик плакал – слёзы текли по его щекам.

Дядя Ваня говорил, поскуливая:

—Я был на даче, Андрей – в городе, в гостях у кого-то, а бабка моя на лавке полдня просидела. Вечером зашел домой – всё перевернуто. Кинулись, «Апокалипсиса» моего нет и «Судьбы». Украли.

—А другое что-нибудь пропало? – Панин был на удивление спокоен.

Катю известие о краже потрясло. Ещё три дня назад она видела ту знаменитую книгу, и старик говорил, что за ней шла ожесточенная охота, и вот точно – книга похищена!

Дядя Ваня утёрся носовым платком.

—Нет, всё остальное цело. Что у нас брать? Только эти книги и были ценными. Так я и не узнал о конце света. Столько лет всё откладывал, боялся прочитать. Теперь что? Петька, помощи. Я вызывать полицию не стал: что они могут? Прямо к тебе пошел.

—Правильно, что не стал обращаться официально. Мы вот что сделаем, дядя Ваня. Мы уголовного дела открывать не будем, а сами, вон, с Катей, поищем – так быстрее будет и надёжнее.

—Помоги, Петька. Я не поскуплюсь, отблагодарю.

—Брось, дядя Ваня. Поехали к тебе. Я на месте всё посмотрю. Катя, иди, прихвати эксперта – пусть снимет отпечатки пальцев, может, какие следы будут.

Катя молча пошла за экспертом. Странно повёл себя Панин. Неофициальное расследование назначил. Может, сам замешан в краже?

О, уже идиотские мысли в голове замельтешили. Конечно, официальным путём идти бесполезно – неизвестно, кому дадут дело, а и толку будет не много, если собиратели старинных редких книг в городе все шишкарки, у них прямой интерес обобрать старика. Получалось, Панин придумал всё правильно.

Сегодня дежурный узик был свободен и на квартиру к дяде Ване поехали на нём. Эксперт Саня Обухов, известный трахаль управления, соблазнивший почти всех девок из адресного бюро (кроме Наташки-недотроги), покурил сигаретку без фильтра, выглядел не выпавшимся и помятым.

В квартире стариков царил уныние. Бабушка скромно сидела на стуле, повязанная косынкой, плотно сжимая губы. Андрей хмуро стоял у окна. Увидев Панина и Катю, он только кивнул им и отвернулся. У Кати сразу же мелькнула догадка, что книги мог украсть Андрей. Был у неё такой профессиональный изъясчик – видеть во всех, косвенно заинтересованных, возможных воров.

Обухов принялся за изучение замка на двери, но бабушка, заплавав, рассказала, что по старческому склерозу, вроде, забыла замкнуть дверь, уходя на улицу.

—Вот и вошли.

—Бабушка, вы точно забыли закрыть или только думаете, что забыли? – крича, будто бабушка была глухой, спросила у неё Катя.

Бабушка виновато пожала плечами.

—Ключи я взяла с собой, вот, в кармане фартука лежали, а закрыть, наверное, забыла. Когда пришла – дверь настежь, а замок целый.

—Да, замок целый, – подтвердил Обухов. – Следов вскрытия нет.

Панин скривился, посмотрел на дядю Ваню. Тот зло махнул рукой и ушёл на балкон.

—У кого ещё есть ключи? – спросила Катя.

Андрей обернулся.

—У меня свои ключи. У деда – свои. У бабули – свои.

—А где лежали книги? – спросил Панин.

—«Апокалипсис» вот здесь, в серванте, – Андрей открыл дверцу серванта и показал на пустую полку. – А «Судьба» вон там, над кроватью, во встроенном шкафу.

—Сейчас у вас у всех снимут отпечатки пальцев, потом мы сверим с тем, что сумеем найти, может, окажется какой-то след. Хотя, если здесь был вор, он, несомненно, действовал в перчатках.

—Думаешь, я украл?! – вдруг зло спросил Андрей.

Панин отмахнулся:

—Ничего я не думаю. Делаю, как положено.

—А почему говоришь: если здесь был вор?

—Не придирайся к словам, Андрюха. Кто ещё к вам навещался в дни, когда книга уже была в квартире?

—Тёма с Ксенией и мои кореша. Бег и Левин.

—Вот, у всех у них тоже надо снять отпечатки. Ты им не трещал про книгу?

—Тёма и Ксения знали, а своим парням я не говорил.

—Кто они такие?

—Мои одноклассники.

—Смотри, Андрюха, – вдруг жестко погрозил Андрею Панин. – Если ты такую подляну деду сделал, лично тебе ноги выдерну!

—А может это ты? – также зло, отозвался Андрей. – Старик ведь просил тебя – возьми книгу на хранение. Нет, нет – боюсь!

Панин смутился, всунув руки в карманы, стал смотреть, как Обухов снимал отпечатки.

—Андрей, не сердитесь, – мягко произнесла Катя. – Мы хотим вам помочь. Хотим, чтобы книги вернулись.

—Вы действуете по привычному, отработанному сценарию: где-то что-то пропадёт, вы тут же хватаете первого знакомого жертвы или родственника и всё валите на него!

—Ну, тебя же не было дома, когда украли книги! – взорвался Панин. – Где ты был?

—Я был у Бега. Он подтвердит. И Левин там был. И куча народу меня видела – не брал я эти книжонки. Зачем они мне? Дед верит в лабуду про вселенскую катастрофу, а я – нет, я только жить начинаю, я мистику не признаю, всю эту предрешенность ... божественную. Зачем было создавать мир, чтобы потом стереть его в пыль?

—Не лепи мне про предсказания! Книги стоят реальных денег! Де-не-г!

—Прекратите! – оборвала их Катя. – Андрей, пойдёмте на кухню.

Оказавшись на кухне, Катя затворила за собой дверь, посмотрела Андрею прямо в глаза: он – не он? В них кипело раздражение. Конечно, обидно, когда тебя начинают обвинять в грязном деле, и кто – свои же!

—Андрей, успокойтесь. Вы огорчены. Панин тоже огорчен. Расскажите мне всё, что случилось с вами в день кражи. Я верю, что вы не причём, но мне надо знать точно.

—Хорошо. Точно, так точно. Утром я позавтракал, позвонил Бегу и сказал, что приду к нему – он мастерит кухонный гарнитур, и я помогаю ему. Я согласился помогать, потому что мне предстояло весь день маяться бездельем, а так хоть какое-то полезное мне применение.

В одиннадцать утра я был уже там – он отсюда близко живёт, три остановки, пешком идти пятнадцать минут. Туда же пришел Левин. Там мы были целый день и обедали там.

—Кто-нибудь видел вас у Бега, кроме него и Левина?

—Видели. Соседка Бега заходила попросить у него стиральную машинку, но он отказал. У него машинка «малютка» и он раньше одалживал её, а тут что-то разозлился и посоветовал соседям купить себе машинку в магазине, мол, пункт проката закрылся.

—Во сколько она заходила?

—В полдень. А в пять вечера пришла мама Бега и мы с Левиным ушли.

Я пришел домой. Дед уже был здесь и бабуля, и всё уже было перевёрнуто.

—Понятно.

Катя тяжело вздохнула.

—А Тёме вашему вы уже звонили, говорили о краже?

—Нет. Дед никому не велел ничего говорить, а сегодня с утра пошёл к Панину.

—Ясно... Больше к вам вопросов у меня нет.

—Скажите Панину, чтобы он ко мне не придирался. Не я взял ту чертову книгу! Знал бы, что так повернётся, не привозил её из Бийска.

Вернувшись в управление, Катя с Паниным, отложив все текущие расследования, занялись анализом собранных данных. Из обнаруженных в квартире дяди Вани отпечатков идентифицировали отпечатки самого дяди Вани, бабули, Андрея, Панина, её – Кати, и, почему-то, Обухова. Панин, рассерженно, выбросил образцы Обуховских отпечатков в урну.

—Достал он меня своими дурацкими шутками.

—Злишься, что Обухов соблазнил Ленку Конкурову из адресного? Ты всё вздыхал, соплями шмыгал – рестораны, походы в кино, букеты. А Сашка, без лишней романтики, прижал её в кабинете и, как вы, мужики, выражаетесь – присунул. Все довольны – Конкурова, Обухов.

—Я здесь причём? – на Панина было жалко смотреть, но Катя добивала его до конца. Сognула ручки «лапками суслика» и, подёргав ими, глядя поверх головы Панина, продолжила убивать начальника ледяным голосом:

—Ах, Лена, Лена! А Обухов раз и, в постель твою Лену!

После такого наезда уместно было ожидать от любого мужчины взрыва эмоций, резкой истерики и разрыва дружеских отношений навсегда, но Катя знала Панина, знала, что он выдержит такой «удар», ещё и спасибо скажет. Так и вышло.

Панин задумался, постучал ногтём в стекло окна, потом обернулся и с сожалением согласился:

—Да, Сашка баб окручивает по первому классу! Мне такого не дано.

Посмотрев на довольное лицо Кати, вдруг возмутился:

—Ты чего злорадствуешь?! Тоже мне, товарищ...

Катя показательно- смиренно потупила взор.

Панин, хлопнув себя по руке листом с результатами детелоскопии, возмутился, но, уже наиграно:

—Не успокоишься – уволю!

—Я успокоилась, – Катя хрюкнула. Смех так и рвался наружу –представила «опущенного» Панина у постельки любовников. Обухов при этом, выставив из-под укрытого в шелковый пододеяльник одеяла, волосатую ногу, поковырялся мизинцем у себя в носу, и достав козюльку, запустил ей в побеждённого соперника.

—Что опять? – Панин уже не шутил.

Катя, помахав ладонью, успокоилась:

—Всё.

—Итак, у нас в наличии, кроме установленных, есть ещё неопознанные отпечатки. Отпечатки пяти человек.

—Петя, а точно мы ищем «Судьбу»? Ты реально в неё веришь, в эту книгу? Как говорил внук дяди Вани – в ней весь сценарий? И что, там описано, что такого-то числа, во столько-то часов и минут по всемирному времени, некий командир, одной из четырнадцати ядерных подводных лодок класса «Огайо», по сугубо личным причинам повернёт ключ? А после уже будет не важно?

—О чём ты?

—Эта книга важна чем? Своей антикварностью или своей информацией? Она дорого стоит из-за чего?

—Ты же не веришь в её информацию!

—А ты веришь? Не пыли мне на уши!

—Книга ценна своей древностью... Катя, надо просто помочь дяде Ване.

Катя показала, что поверила в искренность Панина. Он секунду изучал её умное лицо, удовлетворенно вздохнул и, воззрившись в информацию на листах, продолжил свою мысль:

—Итак, про отпечатки, которых мы ещё не опознали. Если представить, что четверо – это Артём, его жена Ксения, Бег и Левин, то кто пятый?

Задребезжал телефон. Панин поднял трубку. Выслушав короткое сообщение, досадуя, он опустил трубку на аппарат.

—Начальство вызывает. Будут накручивать. Слушай, Катюша, бери-ка ты эту кражу на свой особый контроль и поработай над ней. А я разберусь с официальными делами.

Всучив Кате листки с фамилиями и отпечатками пальцев, Панин стремительно ушел, оставив дверь кабинета нараспашку.

Катя подумала, что Панин – хитрый подлец, но злости к начальнику не возникло и, не испытывая никаких эмоций, она прошла взглядом по фамилиям. Мысли шли своим чередом. Интересное дело выходило с этой кражей. Замок был открыт ключом хозяев – в забывчивость бабули как-то не верилось. Получалось следующее: упёрли книги (и одну, и вторую) с целью продажи. Сделали это или внук Андрей, или внук Артём. В это она могла верить, в другое – нет.

Она написала на листке крупно «Артём» и приплюсовала «Ксения». Жёнушка, волей-неволей, должна была быть в курсе. Хотя, не обязательно. Часто бывает, прожив бок о бок долгие годы, супруги до конца не знают друг друга... Затем Катя написала чуть ниже имя «Андрей» и приплюсовала к нему фамилии его друзей: «Бег» и «Левин». Это возможные исполнители. А заказчики? В первую очередь, мэр города Сергеев, во вторую – мэр Арска Юдин. Чуть в стороне, после мучительного размышления, Катя вывела фамилию «Бесцов». Она ведь Семёна совсем не знала, а, по словам Панина, он тоже был коллекционером старинных фолиантов, чтобы нравиться своему боссу Сергееву. Бесцов мог быть или посредником между внуками и Сергеевым, или самостоятельным организатором кражи, опять же, для доставки книг Сергееву. Тогда получалось, что внуки к краже были не причастны.

Посмотрев на свою схему, Катя с сожалением вздохнула – если Семён, действительно, совершил такую гнусность, она сделает ему плохо, ибо ей будет невыносимо узнать, что, пробудивший её чувственность человек, оказался не чист душой.

В кабинет вошёл задумчивый Панин. Что-то быстро он вернулся. Опять что-то не так?

—Анализируешь? – елеинным голосом поинтересовался Панин.

Катя поджала губы: что с ним сделали в главном кабинете? Что-то голос он истончил очень быстро! В другое время, она бы подшутила по этому поводу, но сейчас посчитала это излишним. Спросила просто, без подвоха:

—Что наше начальство?

—Развернуло меня задом и вступило в сексуальную связь – на весь коридор орал.

—Ты?! – это заявление Катю поразило.

—Полковник наш хренов. О, у тебя уже схема подозреваемых, — сразу перешёл к делу Панин. — Вижу, всё расписано. Исполнители, заказчики, посредник. Ну, ты даёшь сестра! А где моя фамилия в этом кроссворде?

Катя серьёзно посмотрела на Панина — у него медленно опала улыбка. Она вписала его фамилию в колонку «Исполнители».

Панин взволновался и зашустрил:

—Ты что, Катя? Ты seriously думаешь, я мог обворовать деда? Я? — хлопнул себя в грудь кулаком и засмеялся, но неестественно. — Копать под непосредственного начальника решила?

—Попробую, — спокойно отозвалась Катя.

* * * * *

Катя встретила и поговорила со старшим внуком дяди Вани Артёмом, а потом пообщалась с приятелями Андрея Бегом и Левиным. Эти двое оказались молодыми симпатичными нахалами. Бег — двухметровый мускулистый гигант-бодибилдер, даже попытался делать Кате неловкие комплименты и, со смехом, позволил снять его отпечатки пальцев. Левин — русоволосый небритый хитрюга, признался, что Андрей уже сообщил им о краже книг и, тут же заявил, что они слишком честные и законопослушные, чтобы воровать у старика какие-то древние книжонки.

—Была бы это эротика или боевики, — усмехнулся он.

—Левин, не стройте из себя дурака, — строго заявила ему Катя. Взрослый мужчина, а кривлялся хуже клоуна. Ещё тон такой снисходительный избрал, словно перед ним была неразумная девочка-студентка, а он убелённый сединами профессор-всезнайка.

—Меня зовут Вова.

И как с таким дураком разговаривать? Ответила как можно ровнее, хотя, убила бы гада:

—Очень приятно, Вова.

—Когда мы с вами увидимся?

—О, это я тебе гарантирую, Вова, увидимся обязательно.

Сверив отпечатки пальцев Бега, Левина, Артёма и его жены Ксении, Катя всех их индентифицировала. Остались отпечатки кого-то неизвестного. Скорее всего, окажется, какой-нибудь сосед или соседка. Сторонний похититель здесь выявиться не мог — Катя верила в версию родственного воровства. Эти уроды обокрали деда и по дешевке сдали реликвии городским шишкам. Дело элементарное.

Запрос в картотеку ничего не дал — таинственный владелец отпечатков ни разу не привлекался к уголовной ответственности, а откатать пальчики у всего многоэтажного дома, где жил дядя Ваня, было нереально. Катя пометила в своей схеме главного подозреваемого громким титулом «Мистер Икс».

Катя решила, что след проявится только у заказчиков. Основными заказчиками Катя определила мэра Сергеева и мэра Арска Юдина. Разрабатывать заказчиков было самым трудным. Более легким вариантом представлялась проработка Панина и Бесцова. Ни того, ни другого Катя, конечно же, не подозревала, но она была в работе педантична и, для очистки совести следователя, решила порыться в их коллекциях. Как это сделать, она ещё не придумала, а потому не торопилась — лезть к Панину ночью с фонариком казалось ей анекдотичным абсурдом, а Семён, как назло, долго не появлялся. Чтобы немного отвлечься от тупиковой пробуксовки в неофициальном расследовании, Катя принялась за текущие дела. Панин легко отнесся к приостановке расследования и, Катя опять невольно подумала, что он

прореагировал неадекватно на разбор дела с похищенными книгами.

Пару раз в управление навещался дядя Ваня. Сказать ему было нечего. Катя велела ему больше не приходить — если, что прояснится, она сама ему сообщит.

А время шло. И не было Семёна. Катя явно скучала по нему. Она поняла, что ей действительно требуется его присутствие. Время, которое он дал ей, окончательно определило её – она будет с ним. Вот только как? Как близкая любовница и друг или просто, как женщина для постельных забав? Конечно, сейчас так ставить вопрос было бессмысленно, просто он был нужен ей и всё.

—Жеребчик- то наш пропал, – смеялась Наташка, которой Катя всё рассказала о Семёне. – Засосало семейное болото.

Катя отшучивалась.

Одно время она даже стала бояться, что Семён действительно забыл её, а его порыв был лишь попыткой поразвлечься при случае. Но потом опять верила, что он всё-таки просто дал ей время определиться.

Жизнь шла своим чередом. Катя, в составе следственной группы, выезжала на убийства и крупные кражи, опрашивала свидетелей, набивала свой несгораемый шкаф папками с зависшими уголовными делами, ходила на проработки к начальству за малую раскрываемость и старалась думать о себе, приглядывала квартиру – хотелось жить отдельно от матери. Скандалы с матерью происходили ежедневно и она твёрдо решила в середине осени разъехаться с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.